

Даля Трускиновская

Диармайд. Зимняя сказка

Даля Трускиновская
Диармайд. Зимняя сказка

авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164233

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	22
Глава третья	40
Глава четвертая	56
Глава пятая	74
Глава шестая	89
Глава седьмая	104
Глава восьмая	125
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Далия Трускиновская

Диармайд

Зимняя сказка

Глава первая

Гостя с кинжалом в волосах

Кто видел, как женщина привинчивает дверную ручку?

Никто не видел?

Ваше счастье.

Потому что разъяренная женщина, которая показывает полупьяной бригаде ремонтников, как привинчивать дверную ручку, – зрелище совершенно адреналиновое. Особенно если она сама проделывает это впервые в жизни.

Ее длинная шуба метет подолом по грязюке слоем в пять сантиметров; пряди, нарочно выпущенные из высокой прически, свесились и лезут в глаза и в рот, потому что женщина стоит у двери, извините, раком и орудует, бормоча всякие странные вещи; ремонтники напрягают слух, пытаются уловить родную матерную тему, но это что-то другое...

Поскольку теоретически женщина знает, как совмещать шурупы с дырками, и еще кое-что нужное твердо знает, для

первого раза получается неплохо. Она шваркает отвертку на пол и говорит:

– Если до двадцать пятого тут будет хоть одна соринка – ни хрена денег вы у меня не получите.

Насчет соринки – это она погорячилась. (Позднее ей предъявили счет на вынос и эвакуацию двух с половиной тонн строительного мусора, и он фактически соответствовал действительности, а полы все равно пришлось перемывать самой). Но в тот момент страх остался единственным чувством, доступным полупьяной бригаде. И чем примитивнее угроза – тем лучше он должен был сработать.

Пригрозив, женщина ушла в соседнее помещение и настукала на телефоне номер. Там ответил кто-то ленивый, и женщина опять ввела себя в боевую ярость, этакий амок в дамском варианте, допускающий и матерщину, и битье посуды, и удар пустой бутылкой по голове кретина, но только не ободранный маникюр и смазанный макияж.

– Я когда вам заказывала гадальные столики? – спросила женщина. – Нет, я когда их вам заказывала? И когда они должны были быть готовы? Не помните? Так найдите бланк заказа, трах-тарарах-тах-тах!

Ремонтники, услышав это «трах-тарарах» переглянулись и наконец-то уважительно покивали, морща при этом в знак особого почтения носы. Когда женщина так строит исполнителей – лучше ей под горячую руку не попадаться.

Затем женщина посмотрела на часы и пулей пролетела че-

рез комнату, где еще бездельничали ремонтники. Они еле успели шарахнуться от ее развевающейся шубы – темного меха и с белым от строительной грязи подолом...

На улице было довольно скользко, но она уже наловчилась бегать по ледяным лепешкам мелкими шажочками. И, одолев два квартала, ворвалась на склад при магазине тканей. Там как раз в три аршина перемеряли рулоны только что полученного груза.

– Есть, есть, привезли! – бросилась ей навстречу директриса магазина.

– Ф-фу! – сказала женщина и села на пузатый тюк. На лице отобразилось не то чтобы блаженство, а скорее нерешительная вера в блаженство.

– Вот, смотри! Класс!

Она посмотрела – и затрясла головой.

– Ира, я же просила – золото на черном фоне!...

– Так не было же черного, разобрали черный, и золото не в моде, золото – гламурный стиль, а теперь у нас на пике спортивный стиль, даже маленькие черные платья делают спортивными! – затрещала Ира.

Портьерная ткань в ее руках была неплоха – белые знаки зодиака на синем фоне с маленькими звездочками. Но роскошью эта ткань не пахла. Совершенно не пахла!

– Какой спортивный стиль в гадальном салоне?... – прошептала заказчица. Но события последних недель закалили ее, научили варить суп из топора и удобно сидеть меж двух

стульев на уплотнившемся воздухе. Кто связывался с арендой и капитальным ремонтом помещения в полтораста квадратных – тот поймет. Она вскочила с тюка, готовая к новым сражениям.

– Показывай, чего еще привезла!

– Все показывать? Там же десять километров!

На столе площадью два на четыре громоздились волны ткани из трех тюков, вздымаемые до потолка быстрыми аршинами, глядя на этот бурный пейзаж, легко можно было поверить и в десять, и в пятьдесят, и в сто километров груза.

– Самое безумное!

– Безумное? – Ира приоткрыла рот, вспоминая. – Китайский атлас разве? С драконами? Дамы на халаты берут...

– Гони драконов!

Цвет фона был опять-таки синий, но хоть густо-синий, зато драконы – золотые с радужным отливом и почти в натуральную величину, со страшными рожами и притиворечащими всякой звериной анатомии изгибами.

– Беру! – сказала женщина. – Сколько у тебя этой дряни? Все беру!

Она казалась выпавшей из времени и пространства, пока оформлялся чек, но, посмотрев на сумму, она ожила.

– А где моя скидка?

– Ты же не берешь зодиаков, такое только под заказ берут, я их вообще никогда не продам, у меня через тебя убыток! – объяснила Ира.

– Хорошо. Когда позовешь чистить помещение, я тоже тебе скидку не сделаю, – пригрозила женщина. – И каждого домового отдельной сметой оформлю.

Ира задумалась – и порвала чек.

Помещение склада – еще так-сяк, а торговые залы магазина чистить приходилось регулярно. Придет такая бабулька, божий одуванчик, купить двадцать сантиметров ситчика на заплатку для наволочки, и увидит роскошные костюмные ткани с запредельными ценами, и, сама того не желая, озлится. Начнет к продавщицам непутем цепляться, заставит все ей показать и рассказать, а потом и брякнет несусветное – пропади, мол, такие магазины пропадом, при советской власти лучше было! Она, конечно, уже не помнит, что при советской власти продавщицы бы с ней долго не нянькались, а сразу и решительно послали, но цифры на ярлычках эта стерва помнит! Она упрется чинить наволочку, а в магазине после этого такая злоба висит, что приличный клиент сунется – да и выскочит.

Впервые с этим столкнувшись, Ира подумала, что реклама плоха, что мертвый сезон, что продавщицы – дуры, но потом добрые люди ей объяснили положение и порекомендовали специалистку Изору. Чистка помещения при помощи свеч и церковного ладана принесла немедленный результат и с той поры проводилась регулярно.

А домовой с третьего этажа, который допустил утечку воды в ванной (пострадали несколько рулонов ткани, но нет ху-

да без добра – по крайней мере, выяснилось, что ткань жутко линяющая, и больше такую завозить не стали), был оштрафован – месяц дежурил в подвале, по ночам крыс гонял, пока они не поняли, что тут им больше ничего не обломится. Перемещение энергетической сущности и использование ее как источника инфразвука – трюк сложный, но ничего невозможного тут нет. Главное – зримо и осязаемо представить себе и ситуацию, и действия.

Новый чек специалистку по нечисти вполне устроил.

– Тебе бонус, – сказала она. – Когда откроем салон, дам девочкам визитки на пятьдесят процентов скидки... О! Тьфу! Визитки!!!

И, не оплатив чека, эта невозможная женщина вылетела со склада хуже всякой ошпаренной.

Она вернулась полчаса спустя с прямоугольным пакетом в оберточной бумаге, спокойно оплатила чек и надорвала край пакета.

Это были визитки, числом две тысячи, пачками по сто штук. Женщина, отыскав нужный вариант, щедро вручила Ире целую и нераспечатанную пачку. Ира сорвала ленточку и прочитала:

«Семейный салон

ДАРА

целительство

магическая и психологическая помощь

кодирование от зависимости любого типа

**гадания славянские, кельтские, восточные
гадание на картах Таро и Ленорман
решение проблем с детьми и родителями
поиск спутника жизни через ноосферу и по
Интернету».**

Именно так – ноосфера, окружающая нашу планету слоистым коконом, писалась с маленькой буквы, а Интернет – с большой, очевидно, на него возлагались более серьезные надежды.

Далее следовали адрес и время работы салона, а также золотые слова: «предъявителю – 50 % скидки».

– Почему бы тебе не написать просто – «гадальный салон»? – спросила Ира.

– Потому что мы действительно будем оказывать психологическую помощь.

– Ты что, взяла в штат психолога? – Ира была удивлена превыше меры.

– Зачем? Я взяла в штат ясновидящего... О! Тьфу! Он же ждет меня в «Эдельвейсе»! У нас стрелка забита на шесть часов!

– Уже не ждет, – меланхолически заметила Ира, и тут у хозяйки семейного салона подал голос мобильный телефон.

– Алло! – выкрикнула она. – Кадлиэль, солнышко, прости, задержалась, подожди секунду, клянусь холмами, куча дел, сейчас буду!

– Госпожа Берницкая? – ответил ей голос – голос мужчи-

ны самоуверенного, но сильно ошарашенного обращением. – «Генс» беспокоит. У вас в квартире сработало. Приезжайте немедленно – там вор утверждает, что вломился по вашему приглашению.

– Проклятый гейс! – воскликнула госпожа Берницкая.

– Ночего не пропало, вор даже не успел открыть шкаф, – с достоинством профессионала сообщил мужчина. – Но вы должны немедленно приехать. Тут много непонятного.

– Да, да, конечно, еду!

Она сунула мобилку в сумку и повернулась к Ире.

– Слушай, я все пока у тебя оставлю, и визитки, и драконов, завтра заберу. Меня срочно вызывают...

– В ноосферу? – осведомилась Ира, и не понять было – это ехидство, или коммерсантка действительно не знает смысла слова.

– В ноосферу! – согласилась Берницкая и понеслась, и понеслась!

Дома ее ждало такое общество: сидели два крепких и хмурых парня из охранной фирмы «Генс», прибывшие по вызову, в одинаковых синих форменных куртках, а в глубине комнаты, в самом углу, – женщина в полушубке и с дорожной сумкой.

– Вы двери вообще запираете? – напустился старший на Берницкую. – Мы проверили – эта тетка просто нажала на дверную ручку и вошла, а сработали датчики!

– Ой, я сейчас совсем невменяемая! – ответила парням

Берницкая. – Салон открываю, памяти никакой! Ну конечно, я забыла закрыть дверь! Давайте счет, я оплачу ложный вызов!

– Не ложный, а по вашей вине.

– Хорошо, по моей.

Но когда ребята получили и подпись, и наличными по счету, встал вопрос – куда девать воровку. Воровка, кстати говоря, сидела в своем углу молча и ждала, пока закончатся все церемонии. Голову она опустила так низко, что длинные волосы совсем занавесили ей лицо. Можно было понять только, что лицо – смуглое, а нос вроде бы с небольшой горбинкой.

Теоретически ее за попытку кражи следовало сдать в милицию. А практически – и кражи не было, и в квартире она оказалась по халатности хозяйки, и вообще хозяйка взмолилась, чтобы эту особу ей оставили, не поднимая шума.

Когда бойцы «Генса», вышли на лестницу, имея при себе одну на двоих двадцатидолларовую бумажку, не проходящую ни по каким документам, они уставились друг на друга, и старший покрутил пальцем у виска. Собственно говоря, Берницкая сделала все, чтобы сподобиться такого диагноза.

А между тем в квартире происходило кое-что странное...

Гостья, сидевшая в углу, встала и скинула свой каракулевый полушубок. Волосы она обеими руками отвела назад, освободив высокий лоб и чуть впалые щеки. Берницкая же склонилась перед ней, коснувшись пальцами пола, и произ-

несла голосом, исполненным трепета и восторга:

– Добро пожаловать, крестненькая!

– Мир дому твоему, – отвечала гостья. – И гроздь рябины – душе твоей.

После чего обе бросились друг другу в объятия.

– Будь он неладен, этот гейс! – восклицала Берницкая. – Крестненькая, миленькая, наконец-то! Вечно из-за него всякие неприятности! Ты не представляешь, сколько мне стоит вся эта дурацкая сигнализация с инфракрасными датчиками!

– А заковать дверь?

– Заклинала, но...

– Но сигнализация надежнее? Ладно... – гостья прервала объятие и села к столу. – Есть хочу страшно. Что у тебя в холодильнике, Изора?

– Что захочешь... – и Берницкая с тревогой посмотрела на гостью. – Ты сделай посыл – и оно будет.

– Не могу, – ответила та.

– Что случилось?

– Я попала под гейс.

– Тьфу ты!

– Вот именно... Так что придется тебе, видно, бежать в магазин. А я пока посторожу квартиру.

Но Берницкая не торопилась. Ей было страшно любопытно – что стряслось с крестной, которая после курса обучения дала ей удачное, сильное имя и, связанная в результате обря-

да чем-то вроде родственных отношений, постоянно помогала – то вещим сном, то посылкой с нужными книгами.

– Это был широкий гейс? Или один из трех?

– Нет, не из трех, и я даже не знаю толком вербальной формулы...

– Как это может быть, Дара?! Ведь гейс наложили в твоём присутствии и с твоего согласия!

– Это не был гейс посвящения, как ты не понимаешь! – вдруг взвилась Дара.

– С теми-то у меня полный порядок, со всеми тремя! Это, как выяснилось, гейс-оболочка, и я пока сама не знаю, насколько он широк! А может, к нему еще что-то подвязано – не знаю, понимаешь, не знаю! Не до того было!

– погоди, погоди! Вот у меня один из гейсов – никогда не запирает дверь. Я и не запираю! Как при посвящении получила – так и живу без замка! Что к нему может быть подвязано?

– Да что угодно! Ты не пробовала баррикадировать дверь стульями?

– Не-ет... – от такого нелепого вопроса Изора даже растерялась.

– А попробуй! Давай-ка отключай сигнализацию и на ночь ставь баррикаду из стульев.

– Да ты что? Хочешь, чтобы и я попала под гейс?

– Вот то-то и оно! – гостья покачала головой. – Ты знаешь, что тебе нельзя запирает дверь на ключ, на любой замок, на

засов, даже на крючок. Иначе лишишься способностей. Был бы гейс широким – могла бы лишиться и здоровья. Был бы гейс роковым – лишилась бы жизни. Этот, к счастью, всего лишь один из трех. Стулья считать запором никак нельзя. Но в гейсе есть слово «дверь», и ты боишься, что любая манипуляция с дверью может сработать. Правильно боишься...

– Но, крестная...

– Иди, иди, потом за чаем поговорим. Я останусь у тебя. Потом сниму себе квартиру. Ты только помоги мне найти работу.

– Тебе – работу?! Крестненькая!...

– Ну да. Я же угодила под гейс и больше ничего не могу.

– Вообще – ничего? – Изора не поверила, да и трудно было поверить, что ее наставница и крестная в единый миг лишилась своих способностей.

– Вообще – ничего. Все! Пусто! По нулям! Пошла прочь отсюда!

Берницкая вылетела за дверь.

Крестная попала в большую беду – только теперь Изора осознала это во всей полноте. Конечно, вовсе не обязательно было вопить – но и обижаться на вопли было нелепо. А, главное, противоречило правилам. Крестная может и пощечину крестнице дать совершенно законно – было бы за что.

В универсаме Изора вызвала перед умственным взором лицо крестной. Раньше такая визуализация помогла бы работе с воображаемым маятником, проносимым над полками с

продовольствием. При небольшом опыте это проделывалось автоматически. И образ крестной сам бы указал, чего взять к ужину. Но сейчас астральный маятник, подвешенный прямо к воздуху, был неподвижен. Действительно, связь между крестной и крестницей отсутствовала.

Вот теперь Изора окончательно поверила, что с крестной неладно.

Прямо меж полок с конфетами и печеньем она достала мобилку и вызвала из памяти номер.

– Сана?

– Ну?

– Крестная приехала!

– Не может быть! Я сейчас же приеду!

– Сана, у крестной проблемы.

– Ну?!

– Под гейс попала. Саночка, золотко, раскинь карты! Я потом перезвоню.

– Если получится. Я, знаешь, на тех, кого гейсом пристукнуло, еще ни разу не кидала. А ты Сашку попроси!

– Ты что, сбрендилa? Ей же еще двадцати нет. Я ей запрещаю. А то как привыкнет силу крошить...

– Изорка, у нее уже сейчас силы больше, чем у тебя, и без всяких Курсов.

– Все равно – нельзя, пока всех детей не родит.

Речь шла о Берницкой-младшей – Александре.

Сана вынуждена была согласиться – женщине лучше не

связываться с чужими судьбами, пока не рождены собственные дети. А тут и продавщица объявилась, везущая на тележке коробки с товаром, Изоре пришлось, уступая дорогу, отойти в сторону, а в стороне разговор был уже невозможен – там бабы копались в здоровом ящике с резко подешевевшими колготками.

Набрав всего понемногу, главным образом деликатесов, Берницкая вернулась домой и застала крестную перед зеркалом. Та тяжелым черным гребнем расчесывала волосы, приговаривая:

– Тридцать восемь, тридцать девять, сорок... Все...

Это был один из трех полученных при посвящении гейсов крестной, о которых Изора знала, – не иметь в волосах ничего постороннего, кроме оружия. Но не всякий раз будешь закреплять узел кинжалом, возбуждая совершенно ненужный интерес к его своеобразной, торчащей вверх или вбок рукояти. А всякие модные заколочки, прихваточки, прищепочки – вне закона. Гейс о посторонних вещах, один из самых древних, неудачно совпал с обычаем носить длинные волосы.

Обычай по сути своей был правильный – волосы всегда считались вместилищем силы. Для неопытного, не прошедшего Курсов целителя избавление от длинных волос означало временную профнепригодность – пока шевелюра опять не отрастет. Опытный же умел сохранять силу другими способами, но власть обычая признавали все и подчеркнуто его соблюдали.

Если бы кто-то из женщин, прошедших Курсы, постригся – на это посмотрели бы неодобрительно, и только, все же обычай – вторичен, красота – первична, и не всем идут космы ниже пояса. Крестная имела право сделать короткую стрижку, и те, кто знал ее гейс, осуждать бы не стали, но она упрямо соблюдала обычай, разве что подравнивая кончики. Почему и ходила обычно с распущенной гривой чуть ниже лопаток. А в закрепленный кинжалом узел собирала волосы только среди своих.

Сорок раз провести гребнем по волосам – это было из какого-то серьезного обряда, и его Изора не знала. Ее знания вообще были невелики – так решила крестная, познакомившись с ее жизнью, семьей, прошлым и, возможно, будущим, поэтому лишнего ей не давала. Правда, сказала, что, выдав замуж единственную дочку, Изора может продолжить образование. Женщинам же с детьми вообще лучше знать поменьше, чтобы они не совали нос во всякие опасные сферы и не оставляли малышей сиротами.

– Ужинаем? – спросила Изора.

– Конечно!

Наверно, возня с волосами крестную успокоила. Сорок раз все-таки – пока сосчитаешь, как раз и утомонишься. Изора накрыла стол, как положено воспитанной женщине, в гостиной, накинув поверх бархатной скатерти белую льняную с браным узором. Затем явились на фарфоровых тарелочках и в хрустальных плошках лососина, осетрина, севрюжина,

всякие-разные копченые рыбы и мясы, оливки, сыры, тонко нарезанный хлеб, из бара хозяйка достала красное вино – во-первых, белого на Курсах официально не признавали, во-вторых, женщина, имеющая настоящие способности, его и сама не любит.

Но рюмки для вина она поставила крошечные, ликерные. Алкоголь допускался к столу целителя только в символических дозах.

– Так ты придумаешь мне какую-нибудь работу? – спросила крестная.

– А тут и придумывать нечего. Я на днях свой салон открываю, хочешь – на картах гадай, хочешь – гороскопы составляй.

– На картах у меня, может, и не получится... – задумчиво сказала крестная. – А гороскопы... У тебя ведь компьютерная программа?

Самой Изоре это дело тоже вдруг показалось сомнительным. И тут ее осенило.

– Женихов в Интернете будешь искать! Ты английский знаешь?

– Знаю.

– Будешь отвечать за переписку. Оклад – сдельный. Я как раз искала студенточку, которая бы эти письма переводила с русского на английский и наоборот. Вот – одной проблемой меньше. Там у меня как раз угол выделен под компьютер. Рекламу я дала мощную, безграмотные тетки валом повалят!

Имелось в виду – женщина, которая по-английски знает только «о-кей», тоже замуж за границу хочет. Но сама лазить по сайтам с англоязычными женихами она не может – вот и платит деньги тому, кто от ее имени пишет письма и переводит ей ответы. О том, что будет, когда жених вызовет наконец к себе в Штаты и встретит с букетом в аэропорту, эти тетки думают в последнюю очередь.

– Перевод – это хорошо. А где салон, как называется?

– Где? В хорошем месте, вход с улицы, справа – кафе, слева – ресторан, через дорогу – театр. А называется – ну, как он, по-твоему, может называться?! В твою честь, конечно! «Дара»!

– Это ты молодец, что обычаи соблюдаешь... – со вздохом похвалила крестная. – Да только, боюсь, некстати. Хотя имя у меня и сильное, настоящее имя, древнее, но ведь и оно не помогло. Как бы через имя к тебе моя неудача теперь не прицепилась.

– Отступать некуда, я все газеты рекламой забила, – сказала Изора. – Ничего, вместе – справимся, я ведь не одна, со мной Сана, а если что – Сашку подключим.

– Сашку не трожь. А Сана... это хорошо... хотя имя у нее из новых, но все равно – хорошо, имя легло удачно...

– Позвонить ей? – спросила Изора.

Гостья подумала.

– Нет, не сегодня. И пусти-ка ты меня принять душ, пока Сашка не пришла.

Она подобрала волосы повыше, скрутила в шиш и заколола его непонятно откуда выскочившим прямо ей в руку маленьким кинжалом.

Этот кинжал Изора хорошо знала. Он носил имя «Змейка» и в день наречения имени тоже получил какой-то гейс. Но какой – знала лишь крестная Дара.

Глава вторая

Как вы ведьму назовете...

Сашка позвонила и сказала, что сидит у однокурсницы, готовится к зачету, и это надолго. Проверить было невозможно – да и не больно-то хотелось. Даже если девчонка не с однокурсницей, а с однокурсником, и не к зачету, а к маршу Мендельсона, – что теперь изменишь?

Вот если бы ее сейчас отправить на Курсы, то можно было бы договориться и насчет гейса, подумала Изора, пусть хотя бы один из трех звучал так: не ночевать вне дома. Или даже круче: не вступать в амурную связь с ровесником, а только с тем, кто старше по крайней мере на сорок лет! Другой вопрос – что этот гейс потом все равно придется как-то снимать, хотя вообще Изора не слыхала, чтобы с кого-то сняли гейс. Но то – потом, а сейчас у девчонки все-таки сессия на носу. В обычном институте, кстати говоря, без всяких мистических затей.

Но у Изоры сейчас была забота покруче Сашкиной личной жизни.

Сана правду сказала – им следовало вызволять из неприятности общую крестную. После того, как обе в один день сделались ее крестницами, они оказались с ней связаны довольно крепкой веревочкой. Дара, со своей стороны, обя-

зательства выполняла согласно обычаю. Но как крестница имела право в трудных обстоятельствах позвать на помощь крестную, так крестная могла позвать хоть всех своих крестниц разом, и они были обязаны, бросив все дела, явиться, готовые к любым подвигам и приключениям.

Как правило, звали в случаях, когда крестная хотела справиться с неизлечимой болезнью и для обряда требовалось то шесть, то семь, то двенадцать женщин в балахонах, которых не касалась иголка, босых и с распущенными волосами.

Сейчас формального призыва не было. Но если отвлечься от формальностей – сам приезд Дары был просьбой о помощи. Крестная приехала в город, где у нее были сразу две крестницы, это что-то значило.

Убедившись, что крестная плещется в ванне, Изора опять позвонила Сане.

– Ну, как? Раскинула? – спросила она.

– Изорочка, да – только не карты, а каша какая-то, фиг чего поймешь. Одно скажу – гейс этот пришел через мужчину и брачную постель.

– Ты думаешь, Кано?

– А что тут думать! Он, сволочь, больше некому! Думал ее этим гейсом удержать!

– погоди, Санка, погоди!... А Кано вообще может накладывать гейсы?

– У него второе посвящение – наверно, может...

– Ну, так и у крестной – второе посвящение! Меч на меч,

Санка. И, кроме того, мы же еще не знаем, что это за гейс...

– А что она сказала?

– Что это гейс-оболочка. То есть, три ее законных гейса – ну, там чтобы в волосах ничего постороннего, не пить вина на рассвете и на закате, что-то еще несерьезное, – перекрываются полностью. Их теперь соблюдай не соблюдай – никакого проку. И к нему, к гейсу-оболочке то есть, возможно, еще что-то подвешено.

– Ни хрена себе... – пробормотала Сана. – Слушай, крестную надо выручать. Как бы узнать, что это за гейс такой? Попробуй ее расспросить.

– А ты попробуй в шар посмотреть.

– Бесполезно, шар только до определенного уровня берет. Защита же! Я и для тебя-то, может, ничего не увижу, хотя у тебя защита – так себе.

– Сана! Но ведь если на нее рухнул гейс – значит, она сейчас без защиты?!

В трубке некоторое время было молчание.

– Она спит? – почему-то шепотом спросила Сана.

– Моется.

– Приезжай скорее. Как только заснет – приезжай. Посмотрим вместе.

Именно поэтому Изора и не приставала больше к крестной с расспросами, а быстренько устроила ее в Сашкиной комнате. Если дочь собирается всю ночь готовиться к зачету – то и постель ей ни к кому. А если она с тем долговязым

оболтусом, который каждый вторник и каждую пятницу спозаранку ждет ее на лестнице, – то пусть он, холера, о постели и беспокоится!

Как ни странно, в этом отношении к личной жизни ребенка Изора полностью копировала родную маму. Та, чуть ли не круглосуточно занятая на работе, воспитывала единственную дочку более чем либерально.

Если бы деятельная мама была хоть чуточку строже, если бы она придумывала дурацкие запреты, если бы орала и замахивалась половой тряпкой, Изоре, которая тогда была просто Наташей, пришлось бы воспитать в себе хоть какую-то способность к сопротивлению. Верно сказал один умный французский дядя, чуть ли не Шодерло де Лакло, в восемнадцатом веке: человек редко воспитывает в себе те качества, без которых может обойтись. Вот Наталья и выросла размазня размазней.

Мысль о сопротивлении обстоятельствам возникла у нее примерно на десять лет позже, чем полагалось бы. Не тогда, когда любимая подружка из-под носа увела жениха, не тогда, когда от совершенно непонятного и никому не нужного романа образовалась беременность, и даже не тогда, когда другой роман, еще более ненужный и непонятный, на три года выбил из колеи, нет! Наталья ощутила необходимость в обычной бабьей злости, когда поменяла квартиру и оказалась козой отпущения для соседки снизу.

Старая перечница сразу поняла, с кем имеет дело.

Наталья ходила по дому на цыпочках, но ребенка-то к стулу не привяжешь. В итоге образовалось двадцать семь вызовов милиции, причем менты, прекрасно просекая ситуацию, не раз и не два советовали жертве: да рывкните вы на нее погромче, да пригрозите ей судом, да пообещайте в сумасшедший дом сдать! Наталья что-то лепетала про непотивление злу насилием, но в один прекрасный день все ее толстовство как ножом отрезало. И, что характерно, без всякого повода. Очевидно, огромный запас долготерпения, полученный ею при рождении, наконец-то иссяк.

Возложив надежды на магию, Наталья стала подкапываться под соседку сперва мирными заговорами, об укрощении злобного духа, потом уже не очень мирными. Тогда как раз вошли в моду сибирские заговоры, их издавали толстенькими брошюрками, по брошюрке в месяц. У книжного прилавка, где это добро продавалось, она познакомилась с Саной, тогда – Соней, и Сана сманила ее вместе ехать на Курсы.

Потом уже крестная рассказала им, как ее развеселило появление новеньких. Открылась дверь и влетела хрупкая, коротко стриженная, светловолосая и светлоглазая, с острым носиком, взъерошенная, как птенец неведомой породы, и решительная, как бойцовая рыбка, Соня, а за ней вразвалочку всплыла полная, круглощекая, с неистребимым природным румянцем и с бюстом, на который можно ставить ноутбук, Наталья, и обе разом заговорили примерно одно и то же, даже с одинаковыми интонациями.

Поэтому они и получили такие имена.

Соне следовало придать спокойствия и аристократизма, силы характера у нее и своей хватало. Хотя имя «Сана» было из новых, еще не набравшее нужных имени качеств, Дара решила, что Соня – как раз тот человек, чтобы делать имя самостоятельно, а не ждать от него благ. Что касается Натальи – ей-то как раз требовалось сильное имя, способное повлиять на характер. Дара даже хотела придать ее характеру некоторую стержневость, для чего к согласной «р» искала в пару согласную «з». Будь во внешности у Натальи хоть что-то восточное – стала бы она Зарой. Будь в ее внешности хоть что-то западное – Дара бы назвала ее Розмари и успокоилась, в конце концов, крестница не собиралась делать карьеру, и переводить на нее настоящее древнее имя было незачем. Но простое и щекастое лицо не соответствовало ни мусульманскому Востоку и ни англоязычному Западу.

Крестная рассчитала правильно. Прежде всего, новоявленная Изора резко похудела. Не став грациозной ланью, она сбросила пятнадцать кило и на том остановилась. Затем ушли щеки, которые, если она собирала волосы в хвост, были видны со спины. И понемногу прорезался характер.

Бабка-соседка получила такой новогодний подарок – Изора зашла к ней в квартиру, оглянулась и сказала:

– Так, хорошо, тут у нас будет посадочная площадка, а в ванной поселим инопланетян. И вешалку снимите, в стене сделаем люк в параллельную вселенную. Не снимете – при-

видения напушу, восемь штук. Будут ночью хихикать и хватать за пятки.

Возникший после этого визита донос в милицию послужил весомым основанием, чтобы упрятать наконец старую склочницу в сумасшедший дом. Продержали ее там, правда, недолго – бабка вела себя тише воды, ниже травы. Вернувшись, жила кротко, аки голубица, и, встретив на лестнице Изору, здоровалась первой.

Следующий подвиг Изоры изумил всех, кто ее знал, – она подала на алименты. Брак, правда, был гражданский, но ее мама в свое время заставила незаконного зятя признать дитя. Вот Изора и взялась за него всерьез – не потому, что нуждалась в деньгах, а просто новое имя так на нее подействовало, что стало недоставать самоуважения.

Затем имя разбудило в ней деловые способности. Описывать детали – долгое занятие, промежуточный же финиш был таков: Изора добыла денег и открывала собственный салон. Более того – брала туда на работу Сану, которой лишний грамм спокойствия, идущий от имени, мешал вовремя подсуетиться, и почему-то именно в деловой сфере. В личной же она была более чем активна – возможно, потому, что Дара, нарекая имя, произнесла его вот так: Сан-на. И это протяжное «н» стало в крестнице не то что звонким колокольчиком, а целым вечевым колоколом, стоило мужской руке к нему прикоснуться – гудел торжественно и властно, перекрывая все прочие звуки, и глас благоразумия в том числе.

Так вот – Изора уложила крестную спать, напустив на нее при этом сонные слова, как на малое дитя. Прежде Дара бы сразу почуяла это вмешательство в свою личную жизнь и возмутилась, сейчас же она уснула каменным сном – что еще раз подтверждало: да, действительно, попала под гейс и потеряла все, чем владела. Теперь ей оставалось лишь перевести на английский брачные объявления...

Сана ждала в полной боевой готовности. Для серьезных случаев и у нее, и у Изоры были балахоны с дыркой посерединке, шерстяные шнуры, которыми их подпоясывать, напольный ковер с подходящим узором и много всякого добра.

– Давай, переодевайся, – велела она подруге. – А то час упустим.

Те, кто считает ведьмовским часом шестьдесят минут после полуночи, ошибаются. Во-первых, не всякая полночь годится. Во-вторых, нужно соблюдать дни: есть мужские, есть женские, а есть воскресенье, в которое всякая магическая деятельность противопоказана. В-третьих, для светлого дела требуется время от первых петухов до полуночи, для темного – от полуночи до третьих петухов.

Глядеть в хрустальный шар ради спасения крестной Сана могла как раз до полуночи и в женский день, Изору же предупредили – в одиночку не пробовать, засосет, так что ей при необходимости все равно следовало подстраиваться к Сане.

Хотя работа с шаром особого церемониала не требовала, этим можно было заниматься и в домашнем халате, обе спе-

циалистки быстренько переоделись.

Уж больно серьезную вещь они затеяли – вторгнуться в жизнь своей крестной...

Сана не имела, как полагалось бы, особой комнаты для магических упражнений. Но столик, и скатерть, и сосуды, и подсвечники, и трехгранные, натертые ароматическими маслами, свечи – все это стояло наготове, равным образом и курильница, чтобы очистить любое помещение, хоть кухню, хоть ванную. Пока Изоре переодевалась, Сана установила на подставке небольшой хрустальный шар, зажгла свечи и потушила электричество.

Несколько минут обе стояли справа и слева от стола, глядя в пол и готовясь к работе. Потом Сана проделала простенький ритуал настраивания шара – на свою энергетику, а себя – на объем и глубину шара. Выглядело это как оглаживание обеими руками, но не прикасаясь к хрусталу, а сохраняя расстояние примерно в половину дюйма.

– Вот и мы, миленький, – сказала Сана. – Дай нам увидеть, что стряслось с крестной. А мы зажжем для тебя хорошие, сладкие курения...

Изора тем временем подготовила глиняную курильницу, зажгла свечу и налила в углубление над ней сперва – воды, сверху – масла, собственноручно для таких дел составленного. Курильницу она поставила за шаром. Вода пошла мелкими пузырьками, и, пока Сана уговаривала шар, начал распространяться сладковатый запах, в котором особенно от-

четливо выделялась нота кардамона.

Потом Сана села, положив руки на стол ладонями вниз и наклонившись к шару так, что едва не касалась его носом. Изора встала сзади, сжав узкие Санины плечи. Теперь они тоже вдыхали аромат, испытывали легкое головокружение, отсутствие тяжести собственного тела, и были готовы.

Сперва шар не давал ничего, кроме обычной игры граней, потом в серединке затуманилось, за клубилось, образовалась темная сердцевина, пятно поползло, в нем возникла прореха. И это была именно та прореха, через которую можно было подсмотреть важные вещи.

Сана с Изорой увидели, к своему изумлению, постель, на которой двое занимались любовью.

– Ой... – прошептала Сана, Изора же и того не смогла.

Они настолько ошалели от неожиданной картинки, что даже не сразу поняли – картинка звучит. Стоны женщины и последний торжествующий вскрик мужчины были довольно громкими, после чего наступила тишина, и лишь было видно, как двое, еще не размыкая объятия, целуют друг друга уже не страстными, а умиротворяющими поцелуями.

Наконец, объятие все же распалось. Двое нуждались в отдыхе – и они легли рядышком, держась за руки. Теперь можно было понять, что крошечная женщина в глубине хрустального шара – именно крестная, но несколько помолодевшая. То ли любовь на нее так подействовала, то ли картинка была давняя – в тот миг ни Изора, ни Сана об этом не задумались.

мались.

Мужчина рядом с ней потянулся за покрывалом и набросил его на бедра и ноги подруги, потом потянул край и на себя.

Если бы при работе с шаром можно было говорить, подруги непременно спросили бы хором: послушай, кто это? Но вопрос остался бы без ответа – мужчину они видели впервые в жизни. Дара на картинке была смугла, он же – белокож и даже беловолос. Но длинные волосы не показались подругам седыми – это была платиновая белизна, довольно редкая для мужчины, и неудивительно, что он отрастил такую пышную гриву. Сейчас, когда оба лица были видны в профиль, обнаружилось, что и у него, как у нее, нос – с легкой горбинкой. Что же до телосложения – тело он имел тонкое и молодое, почти безволосое, как мальчик четырнадцати или пятнадцати лет.

Однако это было лицо отнюдь не мальчика, да и рост тоже...

Дара приподнялась на локте, чтобы внимательно посмотреть на это самое лицо, в тот миг – любимое. Она улыбалась, улыбался и он, да так, что Сана с Изорой хором вздохнули.

– Вот это и называется счастьем, – сказала Дара.

– Я рад, что ты сейчас счастлива, – помолчав, произнес он. – Шампанского?

Дара, опираясь о левый локоть, подняла над грудью любимого правую руку – и в заранее правильно собранных паль-

цах образовался золотистый фужер. Один на двоих.

– За нас? – спросила она.

– За этот час и миг, – ответил он. Как показалось Изоре с Саной, по-особому произнеся «час» и «миг».

– Да-а... Больше нам не отпущено... – голос крестной чуть изменился.

– Все зависит от тебя.

– Если бы в этом мире все зависело только от меня!

– Ты сама себя обманываешь, Дара, – возразил он. – С женщинами это часто случается.

– Я люблю тебя – значит, тебя и обманываю, – извернулась она. – Пей за наше счастье, милый.

Он тоже приподнялся на локте и пригубил фужер.

– Странно, что судьба о нас позаботилась, дала и место, и время, и свободу, – он опять сделал маленький глоток. – Если вдуматься, то иной любви у нас и быть не могло.

– Зато мы не будем свидетелями ее безвременной кончины.

– В том-то наша беда, что мы с тобой всегда помним о времени...

Она допила шампанское и откинула покрывало.

– Спешешь?

Тонкая мужская рука скользнула по спине крестной, мужчина попытался привлечь к себе подругу – и кто его разберет, чего в его душе сейчас было больше, нежности или желания сделать по-своему.

Впрочем, жажда близости, кажется, была неподдельной... Дара резко повернулась к избраннику.

– Хочешь, чтобы я лежала и смотрела, как уходишь ты?

Она вскочила с постели, подхватила с пола ком одежды, выпрямилась – если бы кто вздумал ее сейчас изваять, то назвал бы скульптуру «Проснувшаяся гордость»!

– Сила твоя велика, – сказал мужчина. – Но она останется с тобой, пока ты влюблена. Иссякнет любовь – иссякнет и сила!

– Любовь к тебе?

– Это гейс, Дара. Я давно думал о прощальном подарке. Вот тебе мой гейс!

– Ты сошел с ума!

– Ты еще очень молода, милая. У тебя будет много любви и много силы. Но кончится одна – кончится и другая! Гейс! Слышишь? Гейс!

Дара, как была, неодетая, кинулась бежать. Но мужчина протянул левую руку и сделал жест, хорошо знакомый и Сане, и Изоре, – обе они склонились перед властью этого жеста в час своего посвящения. И склонились добровольно, принимая, как необходимое условие своих новых способностей, отказ от некоторых на первый взгляд сомнительных прав, вроде права стоять под сосной или права петть за пределами своего дома.

Шар показал этот миг с точки зрения мужчины – подружки увидели голую спину крестной и длинные пальцы левой

руки, перечеркнувшие эту спину знаком, и перстень на среднем пальце с белой искрой вместо камня. Знак попал в цель – Дара, ощутив это, повернулась, и подружки затаили дыхание, в надежде услышать имя.

Возможно, она и назвала мужчину по имени – ее рот несколько раз открылся, и на лице при этом была злость. Но треклятый шар именно тут выключил звук. А секунду спустя и лицо крестной пропало.

На месте, где была картинка, в хрустальном шаре образовалось темное облачко, что означало – к работе непригоден, временно или даже навсегда.

– Ты видела? Да? Видела? – закричала Сана.

– И слышала, – ответила Изора.

– Изорка, я впервые СЛЫШАЛА!

– Я тоже!

– Это что же такое? Это значит – нам сообщили? Нарочно для нас это устроили?! – Сана, вскочив, принялась ходить по комнате. – Значит, нас пасут? Значит, Дару пасут?

– Значит, нам ясно сказали: не лезьте не в свое дело... – безнадежно произнесла Изора. – Мы увидели, кто сказал, и слышали гейс. Это нам сделали, чтобы мы не приставали к Даре с дурацкими вопросами и не тратили время на совершенно провальные варианты.

– Погоди, погоди... – Сану все еще носило, и удивительно даже, как она не сбивала с места мебель. – Ничего удивительного в том, что она кого-то там разлюбила... или даже

вообще мужиков разлюбила... Это я как раз понимаю...

Изора покосилась на нее – Сана, понимающая, как можно разлюбить всех мужиков разом, была для нее чудом не менее великим, чем говорящий шар.

– Ну, разлюбила, ну так может же опять полюбить! А мы с тобой на что? Есть же привороты!

– Тот, кто показал нам ЭТО, не хуже тебя знает, что есть привороты. Нам сказали, что все наши знания тут бессильны, понимаешь?! – тут и Изора заорала. – Любовь через привороты Дару не спасет!

– А где же мы ей возьмем настоящую любовь?!

– Где-где... – проворчала, внезапно уgomонившись, Изора. – Давай думать. Как ты считаешь, сколько у нее крестниц?

– Тут и считать не надо – восемь. Помнишь, когда близнецов лечили? Она попросила трех крестниц у Брессы – и нас, с ней вместе, стало двенадцать.

– Какой же скотиной нужно быть, чтобы лишить ее целительского таланта!

– Гвоздей тебе в ноги, ни пути тебе, ни дороги, – со вполне понятной злостью сказала Сана хрустальному шару, чтобы нечто в глубине тут же передало пожелание беловолосому негодяю.

– Собака съела, кость зарыта, дверь закрыта, – припечата- ла Изора. – И все-таки – почему она не к кому-то приехала, а к нам, сюда?

– Потому что нас тут двое? И мы вдвоем лучше ей поможем, чем одна крестница? – предположила Сана.

– Откуда ты знаешь, сколько крестниц в других местах? Может, где-то их трое или вообще пятеро? Или...

Вдруг Сана осталовилась, словно прислушиваясь к себе. Изора знала эти моменты внезапного спокойствия, знала также, как ими пользоваться, – крестная, обнаружив неожиданную власть протяжно произнесенного имени, выучила Изору помогать Сане.

– Спокойно, Сана, спокойно, Сан-на, Сан-на... – тихо произнесла Изора, осторожно будя то, чего умом постигнуть не могла, но, как всякая женщина, тоже частенько в себе чувствовала, хотя и не с такой силой, как подруга.

– Я спокойна, – чуть изменившимся голосом ответила Сана. – Только волна снизу пошла...

– Вверх ее гони. Ты должна понять, почему Дара приехала именно сюда.

– Она узнала, что ты открываешь салон, и надеялась на работу? – неуверенно предположила Сана и опустила в кресло.

– Не умничай. Она не знала, что я открываю салон. Поднимай волну выше, еще выше... есть же причина!... Спокойно, Сан-на, спокойно, Сан-на...

Подружка, закрыв глаза, откинулась на спинку кресла и застонала.

– Выше, выше, еще выше! – твердила Изора, склоняясь

над ней. – Ты – можешь! Выше! Ты можешь поднять силу высоко и понять, ПОЧЕМУ ДАРА ПРИЕХАЛА СЮДА!

– Да... Да... – то ли шептала, то ли стонала Сана. Но пик возбуждения миновал – ей удалось увести силу из опасного места, и теперь она дышала ровно, глубоко, сжимая и разжимая кулаки.

– Ты знаешь, Сан-на, ты уже знаешь...

– Да... Знаю... Она приехала, чтобы найти одного человека...

– Этого, из шара?

– Нет, другого... Она приехала, чтобы вернуть себе любовь...

И тут зазвонил дверной колокольчик.

– Будь ты неладен! – воскликнула Изора.

То, что владело сейчас Саной, не было по всем правилам отпущено на свободу, вверх, и вот-вот должно было вернуться в то место ее тела, где зародилось.

Сана открыла глаза.

– Это – он. Собирайся скорее!

– Сила? – участливо спросила Изора. – Бегу, бегу...

Когда Сана впустила и отправила ждать на кухню очередного своего друга, в эти минуты – просто необходимого, Изора уже натягивала колготки.

Не всегда она одобряла похождения подружки, но сейчас был тот случай, когда Сана не имела другой возможности избавиться от сгустка силы.

Главное они все же сделали – узнали правду.

Глава третья

Когда-то, у той калитки...

Проснувшись, Дара первым делом принялась. Изора,стряпуха милостью Божьей, мастерила на кухне омлет, но какой омлет! Дольше спать в присутствии этого омлета было просто невозможно.

Дара накинула зеленый капот, который при нужде служил и мантией, и утренним халатом, и вышла к крестнице. Изора, также в зеленом, как раз накинула на сковороду с омлетом крышку и выжидала нужный миг, чтобы выключить огонь.

– Сашка прибежала, – сообщила она. – Переоделась – и на лекции.

Дара молча протянула было руки над столом – благословить трапезу, но вспомнила, что больше не может.

– Давай ты, – сказала она Изоре.

Завтракали в смутном состоянии духа. Изора боялась задавать вопросы, Дара целиком ушла в себя.

– Какие планы? – наконец осмелилась спросить Изора. – Мне-то в салон, бездельников гонять, потом поеду за мебелью. Хочешь – можно вместе.

– Я просто погуляю, – тут Дара поняла, как глупо и фальшиво звучит это «погуляю», и добавила:

– По магазинам пройдуся.

Изора удивилась было, потом вспомнила про лечение «грязными порогами», когда как раз и нужно слоняться по базарам, потом опять-таки вспомнила, что лечением Дара теперь заниматься не может, и напоследок пожелала беловолосому гвоздей в ноги и ни пути, ни дороги.

Но крестная, особенно в таком состоянии, имела право на всякую блажь – и Изора, научив ее, как при входе в незапертую дверь тут же отключать сигнализацию, помчалась в салон доругиваться с ремонтниками.

Дара надела свой чернокаракулевый полушубок, надела черную вязаную шапочку, убрав в нее волосы (даже если один из трех гейсов и имел в виду головные уборы, то не все ли теперь равно?), вышла из дома и неторопливо пошла по улице, глядя на прохожих и на витрины. Ей нужно было собраться с духом, чтобы осуществить довольно странный план...

Это, с какой стороны ни глянь, была безнадежная затея. Но никакой иной в Дарину голову не приходило – и она, не привыкнув сидеть сложа руки, решила попытаться. Хотя сказано же было умными людьми о невозможности дважды войти в воды одной реки...

Есть вещи, которые кажутся невозможными лишь потому, что считаешь: молодость будет длиться вечно. Кажется невозможной седина, кажется невозможной боль в коленях, сердечный приступ тоже кажется невозможным в двадцать лет, однако рано или поздно выясняешь, что время приносит

не только сладкие плоды. Точно так же Даре, услышавшей гейс, навеки связавший ее способности с любовью, казалось, что уж любить-то она будет до последнего мгновения. И даже не любовь – тот, кто наложил гейс, имел в виду состояние влюбленности, а уж оно-то никуда не денется.

И вот оказалось, что даже этого легковесного чувства в ней больше нет.

Изора и Сана не знали, что Дара не к ним в гости заявлялась – а вернулась в город, где провела детство и юность. Меньше всего она рассчитывала на помощь крестниц – разве что по части трудоустройства. Дара хотела пожить в этом городе несколько недель, понять, каким он стал за время ее отсутствия, и, возможно, совершить кое-какие попытки.

А в том, что город изменился, она не сомневалась. При чем изменился, понятно, в худшую сторону.

Сана с Изорой как-то говорили о возрасте крестной и не смогли его определить. Помешало то, что они смотрели на нее снизу вверх, она была наставницей, она стояла на довольно высокой ступеньке, и обе подружки, не желавшие признаваться себе, что зря потратили прорву времени и сильно застудились на старте, решили, что Дара, очевидно, колдовским путем поддерживает в себе молодость, стало быть, Дара была всегда. Но если бы они заглянули в паспорт крестной (ну да, кроме прочего ненужного добра, был у нее и просроченный паспорт!), то очень бы удивились – крестная была моложе Изоры и почти ровесница Сане.

Просто она оказалась на Курсах в девятнадцать лет – случай, конечно же, небывалый, вещь недопустимая, однако это произошло.

Так вот – Дара шла по одной из центральных улиц, все замедляя шаг, потому что боялась увидеть еще одну прореху в своей жизни. Все же она вошла под арку и оказалась в длинном дворе. Точнее говоря, это были несколько дворов, не зря здание в свое время называлось пассажем Геккельна, по имени архитектора, и один от другого отделяли именно высокие, до четвертого этажа достигавшие арки.

Много лет назад эти небольшие дворы имели жалкий вид – безалаберное население превратило их в настоящие свалки. Сейчас у пассажа появился какой-то сердитый хозяин – во дворах даже завелись палисадники, огороженные оградками на манер кладбищенских, и чугунные скамейки. Первые этажи занимали кафешки, салоны, бутики – словом, цивилизация процветала.

В этой цивилизации не нашлось места для старой черемухи, чьи ветви касались окон третьего этажа, так что аромат в комнате был оглушительный. Черемуху, понятное дело, срубили, чтобы освободить пространство перед витринами еще одного салона – кожаной одежды.

Все было не так – не май, и не черемуха, и не девятнадцать лет, и не все впереди, и не полный блокнот стихов, в этом по-европейски стильном дворе не осталось места прошлому, получился двор-новодел, где прошлое не предусмотрено ди-

зайнером, и все же Дара не сбежала. Наоборот – она вошла в кафе напротив той призрачной черемухи, села, заказала крепкий кофе, пятьдесят грамм «Метаксы», бутерброд с лососиной. И стала смотреть на окна третьего этажа.

Еще совсем недавно она сразу поняла бы – что там, за шторами. Теперь она оказалась обыкновенной женщиной, не умеющей проделывать магические трюки; женщиной, чья интуиция не воспитывалась лучшими мастерами; женщиной, имеющей всего лишь одно имя... Впрочем, никто не отнимал у нее полученного при посвящении имени «Дара», так что хоть в этом она отличалась от других посетительниц кафе.

На подоконник опустились голуби – впрочем, и голуби тоже были не те. Дара подумала, что и подоконник наверняка не тот – призрачная черемуха гуляла меж окон, и понять, какое именно – заветное, Дара все еще не могла.

Голуби вспорхнули, окно приоткрылось, рука быстрой струйкой просыпала вдоль всего подоконника крошки и исчезла. Чья рука? Мужская, женская?

Дара не успела даже этого понять и рассердилась. Но пришлось отпить коньяка, сжечь в его маленьком остром огне свое раздражение, расслабиться, ждать дальше и думать, и думать.

Тот, кого она хотела обнаружить за стеклом, был, скорее всего, давно и удачно женат, растил детей, но Даре не было никакого дела до этой гипотетической семьи. Она хотела

выследить того первого, в ком впервые в жизни увидела не мальчика, но мужчину, будущего своего мужчину, а что не сбылось – так это уже совсем другая история.

Ей просто нужно было посмотреть в его глаза.

Раньше она сумела бы послать зазыв (зазыв на печной дым, зазыв на ветер, зазыв на кладбищенский песок – все это проходили в первые недели Курсов, и проходили для проформы – те, кто поступал сюда, это и сами умели делать, а сейчас лучше всего бы сработал осовремененный вариант – зазыв на сигаретный дым) и преспокойно ждала за столиком, пока откроется окно и человек на третьем этаже начнет беспокожно вглядываться в лица прохожих, пересекающих пассаж. Теперь она даже этого не могла – а могла лишь сидеть и ждать. Впрочем, она не всего лишилась из-за хитро наложенного гейса, знание осталось при ней – наверно, для того, чтобы, сравнивая прошлое и настоящее, она острее осознавала свое бессилие.

А первое, что изучают на Курсах, то самое, о чем она так вдохновенно в свое время рассказывала Изоре и Сане, были четыре камня, четыре краеугольных камня, на которых каждая из крестниц впоследствии должна была возвести свое собственное злание.

И первый – мощное, сильное, яркое воображение. Второй – то гранитная, то стальная, то огненная воля. Третий – непоколебимая вера. Четвертый – соблюдение Тайны.

Любопытно, что все четыре свойства не покинули Дару,

только здание рухнуло, осколки растаяли, а возвести новое было не из чего.

Итак, собрав волю, насколько это было возможно, в гранитный шар (раньше она ощущала тяжесть этого шара, теперь же лишь слова остались ей, утратившие силу, но все же – остались...), Дара заказала еще кофе, еще «Метаксы», еще бутерброд – на сей раз с икрой. И тихо фыркнула, сообразив, что если этот человек, допустим, болен гриппом и целую неделю будет отсиживаться дома, или же вообще в командировке, то она, сидя тут и таращась на призрачную черемуху, попросту сопьется.

К ней подсел мужчина, уже здорово пьяный, и какое-то время сидел тихо.

Она даже не посмотрела в его сторону.

Мужчина заказал дешевого брэнди и закурил. Дара встала и пересела за соседний столик. При этом она старалась не отрывать взгляда от двери подъезда, которая могла в любую минуту распахнуться и выпустить того, кто ей сейчас был необходим.

– Извините, – услышала она. – Я не спросил вашего позволения.

Ну, что на такую фразу ответишь? Дать это самое позволение курить? Так он, пожалуй, самые звуки голоса примет за приглашение сесть и начать ритуал ухаживания, достаточно несложный и у всех захмелевших мужиков в сущности одинаковый.

Поэтому Дара только махнула рукой – мол, не стоит разводить церемонии. И подумала, что вот ведь и сюда цивилизация добралась, в керамической загогулине стоит свечка, чье пламя должно съесть сигаретный дым, почему бы не зажечь ее?

– Рано темнеет, но скоро зажгутся свечи, – ответил на эту мысль непрощенный собеседник. – Как я устал...

Очевидно, он сообщил это сам себе и в ответе не нуждался.

– Да, я пьян, – непонятно с кем согласился незримый мужчина. – По-моему, я вторую неделю пьян. Мне просто некуда деваться. Хожу и ищу, кто бы меня спас. Может, это будете вы?

Тут уж отвечать было бы непростительной глупостью.

– Вы ведь можете прийти и спасти меня, – продолжал этот странный алкоголик. – Вы можете мне запретить – и я больше капли в рот не возьму. Просто сейчас я пьян. И я это знаю. Я не притворяюсь – я действительно много выпил и пьян! Я боюсь садиться за руль – значит, я понимаю, до какой степени я пьян!

Тут Дару осенило. Она полезла в сумочку и достала льготную визитку салона, носящего ее имя.

– Вот, – она положила визитку на соседний стол. – Тут вас спасут. Обязательно. Сегодня же позвоните.

– «Дара», – прочитал незримый мужчина. – Это вы?

Вот тут ее терпение с треском лопнуло.

– Пошел в задницу... – тихо, но внушительно прошипела Дара, а рука сама нырнула в сумочку, где лежал кинжал «Змейка», получивший имя по эфесу. Эфес был ажурный, как если бы змея завернулась спиралью, имелись и чешуя, и маленькая клиновидная головка, и глаза из двух светлых изумрудов. «Змейка» тоже был под гейсом – он не мог быть пущен в дело в полдень и в полночь. Вроде пустяковый гейс – да ведь не станешь всякий раз, когда требуется удар кинжалом, на часы смотреть. Второй гейс – еще занятнее: не наносить удара под землей. В гробу, на том свете, что ли?

Сейчас, кстати, полдень миновал, а до полуночи было еще далеко. И с Дары бы случилось ударить приставалу ножом в бедро. Для этого и оборачиваться бы не пришлось – по тому, как мужчина потянулся к ней, она прекрасно представила себе расположение его тела в пространстве.

Другой вопрос – что в этот миг Дара совершенно забыла про свое несчастье. Раньше, натворив дел, она могла отвести погоне глаза и преспокойно уйти в нужном направлении. Теперь же – вряд ли.

К счастью для алкоголика, дверь под призрачной черемухой отворилась и – тут Дара, хотя и ждала события, но сперва глазам не поверила, – выпустила осанистого мужчину. Он был не очень-то похож на того, кого она ждала... Но, кажется, это все же был тот, единственный и неповторимый, чтоб его приподняло да шлепнуло!

Дара сорвалась со стула, ее широкая зеленая юбка взви-

лась и смела все, что стояло на соседнем столике. Пробегая мимо барной стойки, Дара кинула деньги – за сто грамм «Метаксы», кофе и бутерброды расплатилась с неслыханной щедростью, – и выскочила во двор.

Она пустилась в погоню.

У того, кого она так страстно желала увидеть, была некая примета – нет, вовсе не на интимном месте, как раз на лице, но издали в глаза не бросалась. И примета странная – впоследствии, уже на Курсах, Дара пыталась выяснить, что бы могли означать черные и довольно длинные волоски чуть ниже переносицы, растущие не вверх, как брови, а вниз, нет ли в них тайного смысла, не знак ли они причастности к древним загадкам, не привет ли от мохнатого предка, но даже умница Эмер, ее первая крестная, и старая толстая Шин, почти удалившаяся от дел целительница третьего посвящения, ее вторая крестная, полагали, что Дара столкнулась со случайным капризом природы, не более.

Но человек, украшенный волосками, был легок и порывист, с неровной какой-то, но стремительной походкой, этот же ступал уверенно, в нем чувствовалась возведенная в культ, а может, просто хорошо сыгранная деловитость, и даже шапка...

ТОТ шапок не носил принципиально, у него была вороная грива неслыханной густоты. Разве что в двадцатиградусный мороз он натягивал на голову какой-то несуразный колпак, подобранный, надо полагать, на мусорке.

Человек шел через пассаж, понятия не имея, что его преследует женщина. Своим затылком, защищенным теплой, отороченной мехом шапкой, он не чувствовал ее взгляда. Она же, доведя дистанцию до десяти шагов, вдруг притормозила. Вот теперь, когда оставался последний рывок, она засомневалась – да он ли?

Рост – да, подъезд – да, но все остальное больно уж противоречило тому образу, который она сберегла в самой глубине души. ТОТ ходил в коротких куртках, которые при его-то росте и длинных руках скорее можно было назвать куцыми обдергайками. Тот был хотя и плечист, но тонок, и еще навеки запомнилась легкая сутулость. ЭТОТ... ну, не корсет же он завел, в самом деле! Или просто тяжелое зимнее пальто чуть ниже колен настолько меняет силуэт?

Дара заволновалась.

Когда после нескольких ярких неудач ей стало ясно, что способности иссякли, и нетрудно догадаться, что сработал мстительный гейс ее давнего любовника, одно время бывшего для нее всем на свете, и другом, и учителем, и образцом для подражания, – Фердианда, она приказала себе встряхнуться. Действительно, в жизни не было любви. Была работа и был секс, причем даже секс чем-то стал смахивать на работу – Дара выполняла свои обязательства перед неплохим человеком, которого, кстати, сама же для этой надобности и выбрала.

Она попыталась оживить отношения с этим человеком – и

тогда по его великому недоумению поняла, что дело неладно и старания бесполезны. Его полностью устраивало отсутствие любви – были бы с ее стороны забота, терпение и постоянная готовность к помощи.

Тогда она махнула рукой на этого милого человека и стала искать в себе любовь – хотя бы семечко любви, чтобы вырастить из него пышный куст и вернуть утраченные способности. Оказалось – это не так-то просто. По крайней мере, по заказу такие кусты не вырастают.

Углубляясь в собственное прошлое, она добралась до Фердиада – но возрождать свою причудливую страсть к Фердиаду не захотела, хотя тут-то как раз и был шанс. Их отношения накануне разрыва строились на вечных перепадах настроения, постоянно коса находила на камень, ни один не желал сделать лишнюю уступку, и для нее превыше всего была ее женская гордость, для него – его мужская гордость. Сейчас Дара настолько была зла на Фердиада, что эта злость вполне могла разрядиться вспышкой весьма похожей на любовь страсти.

А в самой глубине, за блистательным образом Фердиада, был другой образ – того, кого она искренне считала своей первой, острой и болезненной, но пробудившей ее женскую душу любовью.

После Фердиада же не было ничего такого, на что она могла бы сейчас опереться...

Выходит, последнее, что ей оставалось, – разбудить в сво-

ей душе ту, несомненно, настоящую и всепоглощающую, первую любовь.

Потому что новые люди, которые постоянно возникали в ее жизни, теперь даже особого интереса не вызывали.

Фердиад оказался куда хитрее, чем она думала. Его гейс был миной замедленного действия – он должен был сработать не в юные годы с их бурными страстями, а в годы зрелые, когда душа уже порядочно устала метаться и дорожит определенностью. Фердиад сделал так, что она потеряла все нажитое и приобретенное, кроме денег, конечно, да только велика ли теперь польза от этих денег? И он уже тогда, лежа в постели, хорошо рассчитал миг удара – приобретенного было довольно много, в том числе, кстати, и репутация. Впрочем, возможно, гейс был придуман заранее – от него и этого можно было ожидать.

Так вот – когда оставалось только прикоснуться рукой к плечу, Даре стало страшновато. Она вдруг поняла, что того, кто мог бы воскресить ее чувство, кажется, больше и на свете-то нет. А есть другой человек – да и как ему не быть другим столько-то лет спустя?

ТОТ был, как она позднее поняла, классическим гением-неудачником. Он должен был в одиночестве и полном отчаянии создать сколько-то никому не нужных шедевров и благополучно спиться, а шедевры потом угодили бы на аукцион «Сотбис». Или же, если бы у него хватило ума сесть на шею какой-нибудь влюбленной дуре, спокойно пробездель-

ничать жизнь, годами рассказывая своей дуре, какие великолепные полотна он непременно навалит в ближайшие две недели.

ЭТОТ явно был доволен собой, своим теплым пальто, положением в обществе, вниманием встречных женщин. Он состоялся – по крайней мере, как достойный член зажиточного общества он, к большому удивлению Дары, состоялся. И даже если плоть – та же, и звериные волоски на носу – те же, можно ли перенести замороженную и оттаявшую любовь к нему-вчерашнему на него-сегодняшнего?

Чтобы понять это, следовало прежде всего посмотреть ему в глаза!

Решившись, Дара обогнала этого человека, много лет назад нечаянно ставшего мужчиной ее мечты, и обернулась, как бы ненароком.

Это действительно был он – только лицо округлилось и отяжелело, под пальто явно обозначился животик, впрочем, не пивное пузо, а вполне умеренный ровный живот, даже, возможно, с сильным брюшным прессом. Дара лечила как-то бывшего штангиста и знала – это бывает, пузо – вроде старинного глобуса, и такое же твердое.

Она узнала его – но он ее не узнал.

А ведь он изучил ее лицо лучше, чем любой другой смертный. Он несколько раз пытался сделать хотя бы карандашный портрет, но не находил ЛИНИИ, и получалась гнусная мазня. Но он честно продолжал попытки, пока она не взяла

шариковую ручку и на обороте очередного наброска не провела сверху вниз ЛИНИЮ – с точностью и скоростью снайперского выстрела. Он посмотрел, узнал себя – и заткнулся.

Больше ей такие трюки не удавались. Потом, в той жизни, что началась после НЕГО, она баловалась, рисуя профили, но сперва тщательно изучала модель и чуть ли не с транспортиром определяла все заложенные в профиль углы. Однако тогда она просто провела ЛИНИЮ, а то, что направляло ее руку, с радостью назвала про себя любовью.

Дара знала, что годы не слишком поиздевались над ней. Целительницы за собой следили, используя иногда достаточно странные средства – вроде трехдневного поста в лесу, под опадающей осиной. Лицо осталось гладким, но стало... сильным? Пожалуй, да, упругая припухлость губ и щек, разумеется, и должна была уйти, уступив место чему-то иному.

Она забеспокоилась – неужели так сильно постарела? И вдруг поняла – он настолько забыл про нее, до такой степени забыл, что если сейчас сказать ему «привет!», то потом придется долго и нудно объяснять, от кого, собственно, «привет».

Это открытие не столько огорчило ее, сколько развеселило. Действительно – странно было бы, если бы он запомнил ее, тогдашнюю, навеки. Странно и... бесполезно. Значит, таков перст судьбы. Нужно попытаться начать с полнейшего и безупречнейшего нуля!

Дара задержалась у витрины, пропуская его вперед. Он и

на этот маневр не обратил внимания. Тем лучше!

Она ощутила давний свой, временно позабытый азарт – очень беспокойное свойство, которое, сам того не желая, разбудил в ней Фердиад. Азарт проснулся – живой, здоровенький, зубастенький, и это обрадовало Дару больше, чем если бы ей сейчас подарили перстень с бриллиантом.

Азарт ожил – значит, и она сама понемногу оживет.

Стало быть – в погоню...

Глава четвертая

Рыжие да красные – люди опасные

Изора как раз получала на складе большой пакет со своим китайским атласом в драконах, когда засвиристела мобилка.

– Ну, как? – спросила Сана.

– Нормально. Она позавтракала и ушла на прогулку.

– На... что?!?

– На про-гул-ку. Так сказала. Может быть, и в самом деле где-то себя выгуливает?

– Ботфортами гремя по кабакам? – вполне разумно предположила Сана. – Бокалами бургундского звеня?

– С нее станется.

Это было бы нарушением одного из семи правил: целитель не пьет и не курит того, что дает помутняющее рассудок опьянение. Красное вино в запретный список не входило – в более чем разумных дозах, естественно, потому что и обычным кефиром, в котором всего-то два градуса алкоголя, наверно, можно накушаться до поросячьего визга, если принять ведра этак полтора.

Но относились ли сейчас правила к Даре?

– Я бы на ее месте первым делом надралась в сосиску, а потом сняла первого же половозрелого самца, – подумав, сообщила Сана. – Сколько же можно таскать в себе ЭТО и ни

разу не расслабиться?

– Может быть, она как раз и приехала к нам на просушку? – неуверенно предположила Изора. Пьяная Дара была для нее так же невозможна, как летающий крокодил.

– Непохоже. Хотя карты и несли ахинею, однако ни застолья, ни хмельного вообще я там не высмотрела. Да, так вот! Ты мне ничего не хочешь сказать?

– А что я могу сказать! – взвилась Изора. – Эти сволочи так поклеили обои, что я сейчас иду покупать новые, а деньги вычту из их заработка! Но к двадцать пятому все будет блестяще, и салон я открою! Можешь не волноваться!

– Это хорошо. А БОЛЬШЕ ты ничего не хочешь мне сказать?

– А что еще? – Изора даже несколько растерялась.

Она стояла в узком проходе среди стеллажей с рулонами, и это спасло ее от падения – она всего лишь покачнулась и тут же ей в спину уперся срез рулона, когда Сана не произнесла, а послала ей одно-единственное слово: Йул.

– Ой... – вот и все, что она сказала, но это было именно то, чего ждала злорадная Сана.

Более того, Сана молчала и ждала оправданий.

Смешно и нелепо перечислять все проблемы и родовые муки салона, когда речь идет о первом из восьми праздников годового круга, празднике зимнего солнцестояния. По времени он чуть опережает католическое Рождество, почему неосведомленные люди и его называют Рождеством, а то и

святками. Но он – сам по себе, и общий сбор целительниц не означает исполнения религиозных обрядов – есть ритуал, не слишком сложный, который придает встрече возвышенность и красоту, не более того, на самом же деле это – просто возможность для важных бесед и обмена опытом.

Впрочем, ритуал требует игры – игры в обитателей зеленых холмов, и участники с участницами обычно одеты в зеленое. Поэтому Изора первым делом подумала о прошлогоднем платье – влезет она в него, или придется просить Сану немного с ней поработать, обтесать ее эфирное тело, чтобы физическое под него подстроилось.

– Да ладно уж, подсоблю, – ответила на ее молчание Сана. – Мы имеем шанс узнать про ту скотину, которая наложила гейс на крестную, так что нужно быть в форме! Я решила выкраситься в рыжий цвет.

Тут Изору качнуло в другую сторону, и другой рулон уперся ей в бок.

– Ты с ума сошла... – пробормотала она, прекрасно понимая, что этот аргумент сработает с точностью до наоборот.

– А ты думаешь, мы можем чего-то достичь, действуя разумно? – спросила Сана. – Нет, конечно. Когда у меня будут рыжие волосы, я себя почувствую совсем иначе! Мне это необходимо, понимаешь?

– Ну да, рыжее с зеленым... – пробормотала Изора.

По крайней мере, эстетическую сторону этого безумия она поняла и приняла.

Светловолосая и светлоглазая Сана в зеленом выглядела недостаточно ярко. Аристократично, может быть, насколько вообще способна выглядеть аристократично маленькая и худенькая женщина с острым носиком, но неброско, и ее это удручало. Теперь же Сана приняла глобальное решение.

– И это тоже.

– Ты из парикмахерской звонишь, что ли?

– Из парикмахерской?... Да! Я тебя тоже запишу!

– Я краситься не буду! – воскликнула Изора. – И вообще, я в чужом офисе, у меня дела, я спешу, извини!

У нее были чудесные, густые, темно-каштановые, похожие на соболий мех, но при этом длинные и тяжелые волосы, которыми она очень дорожила. Однако как-то их с Саной занесло на вещевой рынок, и у прилавка с париками Изора приложила к себе самый рыжий. Тут она и поняла ошибку природы – ее карие, чуть с прозеленью, глаза и белая кожа прямо-таки требовали рыжих волос. Но расставаться с шевелюрой, в которую столько вложено, ради эксперимента с непредсказуемым результатом Изора побоялась. И теперь ей опять стало страшно – Сана вполне могла уговорить ее на покрасочную авантюру. Ведь и она понимала – на празднике нужно быть во всеоружии и чувствовать себя королевой.

После панического «извини!» Изора выключила мобилку и выбралась из стеллажей.

Она отнесла пакет с драконами в салон и заперла его в своем кабинете, уже несколько похожем на помещение, где

хотя бы пытались навести порядок. В очередной раз пригрозив бригаде, что лишит ее половины заработка, Изора полетела вербовать ясновидящего. До сих пор она общалась с Кадлиэлем исключительно по телефону, и ей очень нравился его голос. Когда же она увидела свое приобретение в натуре – то сильно пожалела о стеллажах и рулонах. Они были бы весьма кстати – ее в третий раз за день крепко качнуло.

На лбу у этого ясновидящего крупными буквами было написано – шарлатан с алкогольным уклоном.

В кармане шубы у Изоры лежал амулетик – кусок агата.
– Что у меня в руке? – спросила она, сунув руку в карман и сжав амулетик.

– Кошелек, – решительно ответил ясновидящий, и тем их переговоры и завершились. Изора побежала в редакцию городской газеты давать следующее объявление о поиске ясновидящего, но вовремя опомнилась – если они с Саной идут на Йул, то там она и спросит у живущей на другом конце города Мойры, не знает ли она подходящей кандидатуры.

Потом нужно было зайти на телефонную станцию, оплатить счет по установке двух аппаратов, потом встретиться с гадалкой Зоей, словом, день был полон суеты, и только ближе к вечеру Изора сперва удивилась, почему мобилка молчит, а потом вспомнила – сама ведь и отключила.

Техника исправно выдала список не дошедших до Изоры звонков. Один был очень важный, и она сразу отзвонила.

– Это я, солнышко, – извиняющимся голосом сказала

она. – Ты понимаешь, салон...

Тот, кого называли солнышком, не стал напоминать про Йул, не стал и упрекать. Он просто спросил, ждатель ли ему сегодня Наталью...

Ну да, был в мире человек, для которого она предпочла быть Натальей со всеми вытекающими из этого печальными последствиями. Был такой человек, замечательный, кстати, мужик, шофер-дальнобойщик, и она обожала готовить для него всякие вкусности, собирать его в дорогу и устраивать банкеты в честь прибытия. Если бы в эту связь вступила Сана, то либо решительно женила бы симпатичного мужичка на себе, либо послала поискать ветра в поле. Но Наталья не решалась и слова ему поперек сказать, за что Изора регулярно получала нагоняи от Саны.

– Он по-своему меня любит! – отбивалась Изора.

– Любил бы – замуж бы позвал. А так ты зря время тра-тишь! – отвечала Сана. – Сколько ты на него времени потра-тила? А могла уже по меньшей мере пять лет быть замужем за кем-нибудь другим!

Впрочем, когда Изоре казалось, что ненаглядный Виталик в странствиях своих много чего себе позволяет, именно Са-на возилась с приворотами, обеспечивая его относительную верность.

Домой Изора Виталика редко приглашала – стеснялась дочери. Вся их личная жизнь протекала в его комнате, ком-ната же была в коммуналке с сомнительными удобствами.

Однако была в этом романе какая-то особая прелесть – Изора чувствовала себя молодой. И, наверно, ей действительно требовалось хоть иногда побыть Наташей.

Условившись с Виталиком, Изора позвонила Сане и просила ее заглянуть в салон как вечером – присмотреть, чтобы пьяный ремонтник там сдуру не заночевал, так и утром – потому что, честное слово, мало радости вылезать из теплой постели, от своего мужчины, да еще как раз готового к любви и нежности, ради банды кретинов, не умеющих толком привинтить дорогую дверную ручку!

Была и другая просьба – после того, как салон будет закрыт, не лениться и добежать до Изориной квартиры, убедиться, что крестная не рыдает в три ручья, не режет себе вены и не болтается в петле. А заодно и присмотреть за Сашкой – уж в эту ночь ребенок наверняка будет спать дома, так чтобы поел-попил по-человечески, а не жрал поганые чипсы!

Сана в момент звонка сидела перед зеркалом и пыталась понять – хорошо ли то, что она совершила, или все-таки плохо?

Парикмахер, которому были немалые деньги заплачены, все же не понял, чего от него хотят, и сделал рыжий цвет чуть более ненатуральным, чем это было допустимо. И еще вlepил морковного оттенка, совершенно лишнего. Теперь нужно было пересматривать всю концепцию макияжа, убирать холодноватые тона, брать только теплые, и эффект был

непредсказуем.

Слишком поздно Сана додумалась, что женщина, желающая быть рыжей красавицей на Йуле, должна озаботиться покраской волос за два месяца до того, сразу после Самхэйна. Но поздно было затевать новые авантюры с волосами – следовало приспособиться к тому, что получилось...

Сана знала один хороший способ убедиться в правильности своего решения касательно волос. Этой методике ее научила целительница Эмер, с которой Сана советовалась совсем по другому вопросу: после посвящения у нее появился совершенно непредсказуемый интерес к мужчинам, довольно сильный интерес, и она, боясь, что Дара натворила с ней чего-то лишнего, тайком нашла другую специалистку второго посвящения. Эмер объяснила, что такая индивидуальная реакция бывает, что это – даже не от неумения правильно направлять свою энергию, от места зарождения туда, где она необходима, а просто вроде физиологической особенности именно Саниного организма, который вырабатывает энергии больше, чем ему требуется, и не знает, как распорядиться остатком. Заодно Эмер поделилась опытом: ни одна подруга не даст такой умной рецензии на новое платье или прическу, как идущие по улице навстречу мужчины, и если ты им нравишься – значит, нечего расстраиваться из-за цвета, длины, объема и прочих умозрительных параметров и категорий.

По зимнему времени Сана не хотела разгуливать по улицам, распустив свою новую рыжую гриву, так и до простуды

недалеко. А накануне Йула и без того забот по горло, да еще открытие салона у них с Изорой на носу, лечебные же сеансы и возня с травами требуют времени.

Поэтому Сана решила испытать силу рыжих волос на ремонтниках. Хоть какие – а мужчины, на ком-то же они женаты, детей имеют.

Как Изора не раз выслушивала от Саны всякие язвительные замечания про Виталика, так Сана от Изоры – о тех своих случайных приятелях, которых она заводила благодаря нехстате объявившейся «физиологической особенностью». Изора считала, что умнее в таком случае найти одного сексуально активного товарища и не валять дурака. Сана попыталась – и, к ужасу своему, поняла, что одного ей в периоды всплеска энергии не хватает. Тем более, что СВОЕГО в таких случаях жалеешь в ущерб себе, а СЛУЧАЙНОГО жалеть нелепо: сам в эту затею ввязался, сам пусть и расхлебывает.

Ремонтники сперва уставились на нее с ужасом. Сана даже растерялась, но потом выяснилось – эти скоты так уложили в коридоре линолеум, что хоть сама берись да переделывай. Отлично сознавая этот грех, они ждали от Саны мер более действенных, чем Изориной угрозы оставить без заработка. Изора для них была деловой женщиной, хозяйкой будущего салона, и с ее способностями никто пока не сталкивался. Сану же они знали как приглашенную за большие деньги специалистку, и был случай, когда она сперва сняла с бригади-

ра жесточайшее похмелье, потом, убедившись, что трезвый он ненамного лучше пьяного, это похмелье тут же вернула в полном объеме.

Конечно, Сана с Изорой могли сделать и так, чтобы бригада на время ремонта вообще завязала. Но они подметили одну вещь: когда бригада была относительно трезва, мужики ходили недовольные, ссорились, матерились, огрызались. После некой дозы спиртного они менялись прямо на глазах, делались жизнерадостны и активны, работа кипела. Но, чтобы удержать их в этом состоянии, нужно было неотлучно сидеть рядом с ними и восхищаться их деятельностью. Естественно, стоило Изоре отвернуться, как бригада добавляла – и тут уж ремонт шел вразнос. Так что приходилось терпеть...

Сделав втык ремонтникам, которые в тот момент совершенно не желали видеть в ней женщину, разве что бабу-ягу, костяную ногу, которая может и помелом вмазать, Сана заставила их распаковать привезенные утром массажные кушетки и внести в Изорин кабинет. После чего, пригрозив, что явится в половине десятого утра, выставила бригаду и тоже удалилась.

Она приехала к Изоре, вошла и сразу кинулась к сигнализации. Сигнализацию нужно было срочно отключать – значит, ни Дара, ни Сашка еще не появлялись. Сана разделась и пошла на кухню стряпать. Припасливая Изора всегда держала холодильник забитым под завязку, да еще по случаю приезда крестной докупила всяких вкусностей, так что го-

товка в этом доме была сплошным удовольствием. И более того – Изора, как положено целительнице, готовила только на открытом огне, презирая микроволновки и электроплиты. Она сообразила, что можно добавлять в газовое пламя, чтобы оно давало пище хорошую энергию, и готовилась прочитать на Курсах доклад, а также оформить патент. Правда, готовилась уже не первый год – страшно не любила писать, и даже заполнение бумажек по квартплате было для нее мучительным. Салон же со всей сопутствующей открытию бюрократией ее и вовсе достал.

Дверь в прихожей открылась, Сана поспешила навстречу тому, кто явился, и это была Сашка.

Изора на ребенке не сэкономила, довольно уж было того, что ребенок рос без отца и практически без бабушки. Компенсируя то, чего, как ей казалось, она недодала дочке, Изора наряжала Сашку как голливудскую звезду, и единственным условием ставила не успеваемость, не помощь по хозяйству и даже не благопристойность в личной жизни, нет – она всего лишь настаивала на короткой стрижке.

И чем короче стриглась дочка, тем спокойнее была за нее мама.

Она больше всего боялась, что Сашка раньше времени осознает свою силу. Пока девчонка баловалась карточными гаданиями – еще полбеды, но волосы могли отрасти до такой длины, когда их хозяйка почувствует свою способность влиять на жизнь, и это уже было бы опасно. Всякое воздействие

вызывает противодействие, обратный удар, и юное неокрепшее существо страдает само, если же чего-то натворит беременная женщина или мать, имеющая маленького ребенка, обратка попадет не только в нее, но и в дитя. Целительницы знали срок физиологического материнства, шесть лет, и тех, чьи дети были младше или еще не родились, на Курсы не допускали. Бывали, правда, исключения – та же Дара. Но довольно давно сильная обратка на десять лет сделала ее бездетной. А могла и навсегда.

Так вот – в прихожей стояла стройная, но не костлявая девочка в модной короткой шубке с ламовым воротником и широченными, расклешенными книзу рукавами. Ноги той безупречной формы, которой у совсем худых девиц практически не встречается, были обуты в забавные сапожки с кожаной бахромой. Короткие волосы отливали синим и лиловым. Сашка извлекла из материнского пожелания свою пользу – зная, что все равно каждый месяц бегать в парикмахерскую, она не боялась при очередном эксперименте пережечь краской волосы и изумляла знакомых совершенно фантастическими сочетаниями цветов.

– Теть-Соня! – радостно заорало это экстравагантное дитя. – А мама где?

И кинулось целовать материнскую подругу, бывшую ей опорой и защитой, когда Изора вдруг пыталась применить к ребенку строгость. Сана и опомниться не успела, как ее стиснули и расцеловали. Сашка была девочкой не дохлень-

кой, но как еще не осознавала своей особой силы, так и силы собственных рук не чувствовала.

– А мама задерживается, велела ужинать без нее, – прекрасно зная, что задержка – до утра, сообщила Сана. – Дел куча, салон, ты же понимаешь?

– Да понимаю... – сказала Сашка с таким видом, что Сане стало неловко. Ребенок явно знал больше, чем хотелось бы маме.

– Ты давай раздевайся, я рыбу пожарила, помидоров на-строгала. чай будем пить...

– Теть-Сонь! Ты что, покрасилась? Вау! Супер!

– Ну, хоть кто-то оценил...

– Класс! – искренне похвалила Сашка. – У вас на тусовке все облезут!

– На какой тусовке?

– Так Йул же, теть-Сонь, разве вы с мамой не поедете?

Сана ответила не сразу.

– Поедем, конечно, – произнесла она, глядя, как Сашка скидывает шубку, расстегивает сапоги и поочередно шарит ногами под вешалкой в поисках тапочек. Но выгребла она не свои тапки, а домашнюю обувь Дары, естественно, зеленую.

– Это – чьи? У нас таких не было...

– К маме крестная приехала.

– А где она?

Действительно, время было уже позднее, а Дару все еще где-то носило. Однако Сана не стала ломать голову над тем,

куда запропастилась крестная. Потому что ее осенила некая мысль – неожиданная, но, кажется, интересная...

О том, что имя сильно влияет на человека, и иным страдальцам достаточно просто поменять имя, чтобы выздороветь и в корне изменить существование, Сана с Изорой убедились на своей шкуре. Но что цвет волос влияет на мысли, которые зарождаются под этими волосами, Сана не знала.

Она была более активна, чем требуется женщине для счастья, новое имя внесло в ее жизнь некоторый покой, но на образ мыслей при этом никак не подействовало. Обе они с Изорой были, правду сказать, простые, бесхитростные, сильно увлеченные своим делом женщины, живущие по принципу: что на уме, то и на языке. Задних мыслей они не держали – разве что не раскрывали клиентам и пациентам своих секретов, так это же – обязательное условие для выпускниц Курсов.

И вот теперь у Саны родилась заковыристая мысль.

Как почти все плодотворные мысли, она требовала решимости и поступка, поступок же был отнюдь не безупречен с точки зрения этики. Но Сана имела оправдание – ей следовало выполнить свои обязательства перед крестной.

Она немного посомневалась – но это было чисто формальное сомнение; слушая Сашку и даже отвечая ей, Сана уже подводила под свою мысль каменный фундамент.

Она выстраивала целую интригу и одновременно успокаивала себя тем, что это – игра изоощренного ума, задачка,

представляющая чисто академический интерес и не имеющая в реальной жизни решения.

Тут зазвонил телефон – и тут же включился автоответчик. Это был трюк, который издали проделывали только знающие люди, и Сана, подождав, с большим интересом включила магнитофончик.

То, что она услышала, едва не подняло дыбом ее новые рыжие космы.

Она полагала, что Йул, как всегда, будет в одном из трех городов, где, исходя из расположения звезд и прочих любопытных условий, проводились Курсы. То есть, следовало учитывать в расчетах ночь пути. А знакомый голос, голос целительницы Эмер, сообщил, что праздник состоится с доставкой на дом! То есть – в родном городке Саны и Изоры, в часе езды от автовокзала, на озерном берегу. Там на три дня снят пансионат – так что настоятельная просьба прибыть во всеоружии сразу после восхода луны. Об уважительной причине отсутствия просьба, опять же настоятельная, уведомить заранее. Все. Отбой.

– Ах ты сволочь белобрысая... – пробормотала Сана.

Тот, кто показал им с Изорой картинку в шаре (темное пятно до сих пор не исчезло!), наверняка сделал устроил эту пакость ради Дары. Он знал, что она, лишившись способностей, не приедет на Йул, знал, где она спряталась, – и сделал так, что Йул поехал к ней!

Большого издевательства не придумали бы и сто смер-

тельно оскорбленных рыжих ведьм, собравшись вместе.

Сана была не то чтобы ведьмой, и уж во всяком случае в глубине души – вовсе не рыжей. Всякий, увидевший ее на улице, сказал бы: вот спешит маленькая бледная женщина, лет за тридцать, без обручального кольца и чем-то сильно озабоченная. И она действительно была просто женщиной, хотя и сумевшей развить свои способности. Она любила сладкое, не любила стирать и гладить, любила петь песенки на кухне и в ванной, не любила бывать в гостях у замужних приятельниц.

Но оскорблять ее, право же, не стоило.

Может быть, еще вчера, пока цвет волос был природным, она не восприняла бы новый адрес Йула как оскорбление, да еще оскорбление себе самой. Но сейчас в ней заиграла, заплескалась, подступила к самому краю некоего внутреннего сосуда настоящая злость. Дара еще не знала, какой сюрприз ее ожидает, Сана приняла на себя первый удар – и, вместо крестной, решила нанести ответный. Ведь и Дара примерно так же ответила бы на оскорбление, нанесенное одной из ее крестниц, это Сана знала твердо.

Та мысль, что возникла, когда она глядела на раздевавшуюся Сашку, та мысль, что была раскручена из академического интереса, уже продумалась до конца и стала оружием.

Прежде всего Сана стерла запись. Довольно будет и того, что она сама сообщит эту новость Изоре. Затем...

– Сейчас поужинаем – и едем ко мне ночевать, – вдруг

распорядилась Сана.

– Так мама велела. У нее тут с крестной свои дела. Ты же понимаешь, если крестная приехала – то не просто так.

– А я ее разве не увижу? – удивилась Сашка.

– Увидишь, но только не сегодня.

Сана не соврала – она знала, что Сашка и Дара когда-нибудь обязательно встретятся. Вот только не хотела, чтобы это случилось до Йула.

– Они к Йулу будут готовиться? – спросила Сашка, быстро кромсая вилкой горячую рыбу.

– В этом году будет очень занятный Йул. Во-первых, в новом месте, во-вторых, с интересными гостями, на берегу нашего озера, представляешь? А потом будет ночной банкет. Я тебе дома новое платье покажу – закачаешься! Давай, собирайся!

– Вот если бы мама меня взяла! А ты не можешь, тетя-Сонь?

– Если мама против, то что же я могу сделать? Но я тебе потом все расскажу. Я бы тебя взяла, честное слово, но твоя мама даже говорить с тобой обо всех этих делах не разрешает.

В Санином голосе было явное неодобрение.

– А что случится, если ты мне что-нибудь расскажешь? Дома же полно книг, пусть потом думает, что я книг начиталась, – сразу нашла выход хитрая Сашка.

– Нет, нехорошо. В чем-то я с ней согласна, учить тебя,

конечно, еще рано, а вот взять на праздник – почему бы нет? Да еще на такой праздник! Будь моя воля – я бы взяла. Даже ехать никуда не надо – до озера всего час на рейсовом автобусе, на такси, наверно, вообще минут двадцать. Ты как раз утром сразу бы и на лекции поехала. Но она не хочет, а я с ней из-за тебя ссориться не собираюсь. Ну, ты поела? Тогда одевайся!

Глава пятая

Два города

Дара пришла в Изорину квартиру после одиннадцати и первым делом отключила сигнализацию.

На кухне ее ждал ужин.

Она машинально разделась, разогрела рыбу, отрезала ломтик хлеба, села за стол – а ее мысли витали в совершенно непостижимых уму просторах.

Только что она честно проделала то, что вытворяла много лет назад, будучи безнадежно влюблена и даже помышляя о самоубийстве. А именно – она весь день ходила за мужчиной со звериными волосками на носу.

Это имело определенное практическое значение – теперь Дара приблизительно понимала, кем он стал и чем занимается. Но для нее важнее было другое – она хотела разбудить в себе ту, юную и недолюбившую, она хотела вернуться в свои шестнадцать и семнадцать и начать с того места, на котором все оборвалось.

Мало кто ощущает свой возраст в виде цифр, и, во всяком случае, не Дара – ей даже не потребовалось сделать усилия, чтобы скинуть с плеч годы.

Она действительно вошла дважды в воды одной реки.

Незримо сопровождая того, кто не захотел ответить на ее

первую и самую лучшую любовь, она восстанавливала вокруг себя мир, в котором эта любовь возникла, зашевелилась, открыла глаза.

И ей в этом деле даже везло – возлюбленный, выйдя из пассажа Геккельна, пошел хорошо знакомым путем, тем путем, по которому ноги ее сами носили: три квартала прямо, перейти улицу, и еще два квартала, а там уже будет другой дом, не такой роскошный, и под окном – не призрачная черемуха, но старый каштан. Над каштаном Дара и сидела на подоконнике в сумасшедшем месяце мае, мечтая до того мига, когда воображение девственницы уже бессильно, и впотьмах записывая в блокнот совершенно графоманские строчки.

Теперь она знала, почему полюбила нескладного парня с легкой манией величия и плохо вышколенной рукой, карандаш в которой не попевал за фантазиями. За шестнадцать лет жизни это было самое яркое впечатление – только и всего. Любовь, тем не менее, была настоящая, тот самый всплеск гормонов, не имеющий физиологически правильного выхода, который может сделать человека и гением, и безумцем, и проституткой, и монахиней.

Более того – она знала, что и сейчас могла бы полюбить его, потому что, оценивая его взглядом опытной женщины, увидела немало привлекательного: искренность чувств и порывов, остроумие, замешанное на эрудиции, прекрасные карие глаза в длиннейших ресницах (длиннее, чем у нее, но это еще не повод расстраиваться – мало было на свете женщин

с ресницами такой природной густоты и черноты, и очень немногим ресницы доставляют такое беспокойство, как доставляли возлюбленному, вынужденному их даже подстригать, чтобы не кололись и не раздражали нежную кожу между верхним веком и бровью!). Кроме того, в высокой сутуловатой фигуре чувствовалась постоянная готовность к объятию – как будто возлюбленный уже держал в руках женщину, невольно сведя вперед плечи и склоняясь для поцелуя.

Дара, став за прошедшие годы очень умной, разложила по большим и малым полочкам то, что сплывало в любовь, и прежде всего оправдала себя. Она не могла не полюбить его – он был один такой на весь город! И она не могла не полюбить с первого взгляда – в таких глазах тонешь сразу, даже нажив некоторый иммунитет к долгим взглядам и фантастическим ресницам.

Глаза остались прежними, и даже странно было видеть их на лице взрослого мужчины. Руки остались прежними – она их видела, когда он в магазине снял перчатки. А его тела она не знала никогда – оно все равно должно было стать для нее открытием...

И уже радостное волнение овеяло душу. Пока оно не было ни любовью, ни влюбленностью, а вело свое происхождение от азарта погони и предвкушения удачи. Непременно нужно было пройти вслед за возлюбленным по тем же улицам, что много лет назад, то приближаясь к нему, то отставая, и постоянно увязывая при этом сегодняшние впечатления с вос-

поминаниями.

Еще ни один археолог так тщательно не составлял разбитую вдребезги вазу из крошечных осколков, как Дара – свое чувство двадцатилетней давности.

Главное ей удалось поймать – радость. И, чтобы не нарушить ее, Дара еще какое-то время, оторвавшись от возлюбленного, бродила по городу одна, пока не поняла, что уже довольно поздно.

Полужинав, она опять пошла в ванную – не столько ради теплого душа, сколько – желая внимательно рассмотреть свое тело. Было несколько месяцев, когда она не занималась собой – во-первых, знала, что при необходимости быстро приведет себя в порядок особыми методами, а во-вторых – было ни к чему. Это нежелание быть привлекательной могло бы ее насторожить, потом она кляла себя за то, что вовремя не проявила беспокойства, но теперь было поздно каяться – гейс сработал.

Приходилось начинать новую жизнь.

Выйдя из ванной, она легла в Сашкиной комнате, совершенно не подумав, что девочка когда-нибудь вернется же домой. Поскольку детей у нее не было, и в семейных домах она бывала только в дневное время, выполняя работу целительницы, то мысль о припозднившемся ребенке не разу ее не волновала.

Никто не пришел – и Дара, оценив сверхделикатность своих крестниц, как-то незаметно заснула.

В это время одна из крестниц, совершенно не подозревая о собственной деликатности, уже во второй раз отдавалась крепкому и неутомимому приятелю, вторая же, уложив спать не своего ребенка, раскладывала на кухонном столе карты и думала о странных вещах...

Наутро Дара проснулась, зная, чем будет заниматься. Прежде всего следовало посетить Сану, большую специалистку по части женской красоты.

Дара позвонила крестнице и застала ее на пороге – покормив и выпроводив в институт Сашку, Сана как раз собралась выполнить обещание и присмотреть за салоном. Она хотела непременно убедиться, что Дара найдет туда дорогу, что вызвало у крестной сперва легкое недоумение, потом печальную гримаску: крестницы не знали, что она тоже родом из этого города и до сих пор помнит наизусть все маршруты трамваев и троллейбусов.

Потом Дара прибралась – у нее с вечера была не мыта посуда, – оделась и без лишней спешки поехала в салон. По дороге она хотела прикупить себе что-нибудь из одежды.

Как почти все целительницы, она построила свой гардероб на черном и зеленом. Зеленый полагался по обычаю, а черный был функционален. Поэтому в магазинах она просто в упор не видела вещей другого цвета. И это было очень удобно – избавляло от проблемы выбора.

А ей сейчас как раз и хотелось, чтобы поменьше проблем. И новая вещь была просто необходима – не потому, что ста-

рые плохи, а – для куража.

Первым ей подвернулся бутик с дорогим бельем. Она вошла, держа курс на манекен в черных трусиках и черном бюстгальтере, но цветовая вспышка слева заставила резко повернуться.

Это был ослепительно синий цвет, целый парус синего цвета, пролом в стене – туда, где бывает такое небо!

– Тьфу! – на манер крестницы Изоры вслух сказала Дара. Действительно – ей только этого страшного капота шестьдесят последнего размера и недоставало. Но покупать белье что-то расхотелось. Черного у нее и так было полно, а зеленое... Воля ваша, есть в зеленом белье что-то ошарашивающее. Ей уже случалось видеть отнюдь не вспыхнувшие страстью, но озадаченные физиономии, и больше она не экспериментировала.

Дальше ее понесло за куражем в салон меховых изделий. Она не собиралась покупать шубу, но чего-то хотелось... да... жестковатого, упругого, но при этом покорного...

Она не сразу поняла, что просто ее пальцам хочется ласкать живой звериный мех, а может, вовсе и не мех, а чью-то шевелюру.

Это уже был хороший знак!

И как только Дара осознала, что это – хороший знак, ощущение исчезло.

Она словно увидела себя наедине с большой коробкой «пазлс», на полторы тысячи кусочков, из которых ей заново

придется составлять собственную женскую суть. Но картонные загогулины, как их положишь, так и лежат, кусочки же ощущений расползаются, как тараканы.

Так она бродила еще некоторое время, приобрела же пару колготок и бальзам для губ в зеленом патрончике. Бальзам был действительно нужен – ночью похолодало, и Дара не хотела, чтобы у нее потрескались губы.

Но в конце концов она все же оказалась у дверей салона «Дара».

Сана уже была на месте, ремонтники вызвали ее и она поспешила навстречу крестной. Некоторое время они стояли молча, не здороваясь, и ждали, пока мужики уберутся. Они не могли говорить, не выполнив ритуала встречи.

Сана сделала шаг навстречу, поклонилась, коснувшись пальцами пола, и сказала, как полагалось:

– Добро пожаловать, крестная!

– Мир дому твоему, – ответила ей Дара. – И гроздь рябины – душе твоей.

Потом они одновременно сделали равное количество шагов и обнялись – щекой к щеке, без поцелуев.

Отношения с Изорой сложились несколько другие – с воркованием и поцелуйчиками, ласковыми словечками и милой женской суетой. Сана же, хотя и стала крестницей, вызывала скорее настороженное отношение – что-то в них двух пока еще не совпадало.

– Рябину я кстати, с осени припасла. Когда будем чистить

помещение перед открытием, повешу над дверьми. Проходи, только осторожнее. Изорка постоянно с белым хвостом ходит.

Имелся в виду подол тяжелой шубы.

Сана, рассказывая про иные похождения подруги в салоне, ждала, что Дара хоть что-то скажет про ее новый цвет волос, но крестная была слишком увлечена собственными заботами.

– Саночка, мне нужна твоя главная процедура. Где тут у вас можно лечь? – спросила она.

Эта процедура, подстройка физического тела под преобразенное эфирное, Сане особенно удавалась.

– Где? В Изоркином кабинете... погоди, там уже лежит человек! Я на эту Изорку инкуба натравлю! Салон еще не открыт, а она льготные визитки раздает!

– Там что, клиент? – удивилась Дара.

– Ну! Приперся спозаранку! И визиткой машет! Не выгонять же, первый все-таки. Ну, я его кое-как привела в чувство, сейчас лежит, дремлет. Не человек, а сквозняк какой-то, отовсюду сифонит, ничего в нем не держится...

– Порча?

– И еще какая!

– Другой подходящей комнаты нет?

– Эти сукины дети только кабинет довели до ума, – пожаловалась Сана. – Там обе массажные кушетки, все столы, гадальные столики – не повернуться.

– Дремлет, говоришь?

– Я его как грудного ребенка запеленала, чтобы тепло не потерял, все на него навалила, и купол сверху! Знаешь, как я с ним возилась? Защита пробита по всему периметру, так сифонит, что шторы на окнах шевелятся. Представляешь?

– И долго он там у тебя дремать будет?

Сана посмотрела на часы.

– Ну, час по меньшей мере.

– Пошли!

В кабинете на одной из кушеток лежало что-то вроде долговязой египетской мумии – вот только египтяне поверх одеял не заматывали своих покойных фараонов в китайский атлас с золотыми драконами. Даже лицо страдальца было прикрыто бумажной салфеткой с дыркой, примерно соответствующей рту и ноздрям.

– Сейчас я постелю, а ты раздевайся, – велела крестной Сана и стала раскладывать на второй кушетке сперва мягкий тюфячок, потом – одноразовую простыню.

Дара присела рядом с сифонящим клиентом, чтобы стянуть колготки.

Очевидно, Сана не имела опыта упаковки мумий и случайно оставила в одеялах щель. В складках произошло некое шевеление, как будто маленькое и слепое существо тыкалось в поисках выхода. Потом появились пальцы. И пальцы эти не тянулись, не скользили по ткани – они шли, шли небольшими шажками, указательный был за правую ногу, средний,

украшенный серебряным перстнем, – за левую.

Дара, увидев эту шагающую руку, невольно открыла рот, рука же тем временем неторопливо вскарабкалась ей на голое бедро.

– Сана, Сана! – зашептала Дара. – Чего это он?... Чего это с ним?

– Чего-чего... – передразнил помирающий голос из-под салфетки. – Пристаю...

Возмущенная Дара стряхнула с себя пальцы и встала, а тут и Сана взяла власть в свои руки. Она поднесла к дыре в салфетке пузырек с целебным ароматом и негромко приказала клиенту спать, спать, спать...

Чтобы странный клиент заснул надежнее, Сана даже сделала над его лицом несколько пассов. Она полностью сосредоточилась, войдя в то самое спокойное состояние, которое было ей то ли подарено, а то ли навязано удачным именем, и тут услышала за спиной всхлипы.

Она быстро обернулась – и оказалось, что это, зажимая себе рот, смеется Дара.

– Надо же! – еле произнесла крестная. – Нет, надо же! ... Настоящий мужик! Помирает, но стоит почувствовать запах женщины!... Клянусь рогатым Хорном – правильный мужик!

– Алкоголик и алкоголик, – подождав, пока крестная уймется, сказала Сана.

– Мужичка испортили, но это я с него сниму и зависимо-

сти больше не будет. другое дело – все пробои в ауре залатать, чтобы не сифонило...

– Ты с ним поосторожнее! Говорю же тебе – мужик правильный! – Дара опять рассмеялась. – Я сто лет таких не встречала... Ну, сто не сто...

Сана насторожилась – сейчас могла последовать очень важная информация.

– Где же ты жила, если там не было ни одного испорченного алкаша? – как бы из простого любопытства спросила она.

Последние три года они с Изорой видели крестную или в снах, или на праздниках годового круга, или, по ее вызову, в совершенно неожиданных местах, вроде городка под названием Левая Россошь, но в гостях у нее не бывали.

– Нет, алкашей и там хватало... – тут лицо Дары стало злым, верхняя губа вздернулась, показав клыки, чуть длиннее, чем положено при голливудской улыбке. – Это очень странный город, Санка. Это фригидный город.

– Ясно... – пробормотала крестница, уже выстраивая в голове совершенно фантастический сюжет: если возможно испортить отдельно взятую женщину, лишив ее сексуального удовлетворения, то может найтись мстительный кретин, который проделает это с целым городом...

– Быть фригидной – неприлично... Этот город похож на фригидную дуру, которая всем пытается доказать, что и с ней оргазмы случаются, и при этом немилосердно врет! Я не знаю – на таком уж дурном месте он поставлен, что ли?

Санка, это уникальный случай – там мужики фригидные!

– То есть как? Импотенты?

– Да нет, эрекция-то у них имеется. Они НЕ ХОТЯТ душой, понимаешь? Они в черт знает каком поколении забыли, что значит хотеть женской близости. По случаю эрекции, конечно, проделывают все необходимое. И отваливаются, чтобы спокойно заснуть.

– А ты это место проверяла? Ну, с рамкой, что ли, с лозой?

– Там и рамка не нужна, – подумав, ответила Дара. – Наверно, этот город с рождения был обречен. Он стоит в устье большой реки, он там уже под тысячу лет стоит, обычный торговый город, где никогда не было Хозяина. Город занимался исключительно делами, собирал к себе только тех, кто желает заниматься делами, а тех, кому взбрело в голову любить или творить, он не то чтобы выталкивал... Их интуиция или туда не пускала, или прочь гнала. Если бы за тысячу лет в городе появился хоть один Хозяин, который силой воли мог бы это все переломить! Но его не было – и вот печальный результат...

– Как же ты туда попала? – уже догадываясь, что это было не обычное назначение, а что-то вроде почетной ссылки с заранее обдуманном намерением, спросила Сана.

– Как всегда – Совет направил.

– Ложись, – видя, что правды от крестной не скоро добьешься, велела Сана и стала растирать свои маленькие крепкие руки, чтобы вызвать в них жар нужного объема и

качества.

Несомненно, ссылка во фригидный город была связана с гейсом – кто-то, обладающий властью, хотел ускорить действие этого жестокого гейса, и он своего добился! Но расспрашивать крестную было незачем – ведь скоро Йул, и там, если повезет, крестницы узнают то, что от них скрывает крестная.

– А у вас, гляди ты, еще нормальные мужики остались, – имея в виду сифонящего страдальца, сказала Дара, легла и задрала подбородок. Он у нее и так был выступающий, да еще она умела сделать «длинную шейку», что, при продолговатом худом лице, правильном профиле и легкой горбинке носа, напоминало одну чуть ли не до семидесяти лет танцевавшую балерину, только, естественно, в молодости.

– Ну, разве что такие... – проворчала Сана. Ей слова уже начинали мешать, она входила в то состояние сознания, когда начинаешь видеть эфирные тела, и болтовня тут была неуместна.

– Все-таки этот город имеет шанс... – не унималась крестная.

И тут Сана взорвалась.

– Ты что – не почувствовала?

Она выпалила это – и сама испугалась. Ведь Дара для того и рассказала Изоре про свою беду, чтобы Изора своими словами все передала Сану, и обе крестницы постарались проявить максимальный такт.

– Ну, то, что я почувствовала... – Дара тихо фыркнула. Она имела в виду радость погони по давно знакомым улицам, маленький праздник воспоминаний, теперь уже не больных, а скорее забавных, но ничего объяснить не стала.

– Тут же время спятило!

– То есть как? – Дара даже приподнялась на локотках.

– У меня подружка была, десять лет назад в Германию слиняла. Недавно приезжает, встречаемся, и знаешь что она говорит? У вас тут, говорит, ни хрена не изменилось! Я тоже, как ты, спрашиваю – то есть как? Ты не знаешь, конечно, тут у нас много чего порушили, много чего построили, улицы переименовали, мне до нее люди говорили: батюшки, совсем другой город стал! А она!...

– Ну – она?

– Она говорит: как Ленка Корсакова десять лет назад сохла по Димке, так и сохнет, как Буйкова десять лет назад изменяла мужу с Сашкой Гутманом, так и изменяет! Встретилась с Любкой Данилиной – и Данилина ей точно так же рассказывает, как Марчук от жены к ней бегаёт да как жену бросить и на ней жениться обещал, что и десять лет назад! Крестненькая – теми же словами! Для баб время остановилось, они какой-то давней ерундой живут – и знаешь, почему?

– Знаю. С ними ничего нового не происходит.

– Вот! – выпалив все это, Сана сразу успокоилась. – А ты говоришь – мужики правильные... Там, где мужики пра-

вильные, с женщинами все время что-то новенькое происходит. И всякую дрянь им помнить незачем.

Синяя мумия в золотых драконах пошевелилась.

– Этот, наверно, последний остался, – заметила Сана. – А теперь молчи, я работать буду. Сегодня животик тебе внутрь загоню, грудь немного повыше подтяну, и еще мне твои ляжки что-то не нравятся. Закрой глаза, буду с тобой разбираться...

– Так вот я куда приехала... – пробормотала Дара.

Возможно, город всегда был таким. Просто она покинула его совсем молодой и не могла заметить этого странного свойства. Но сейчас, выслушав Сану, она поняла – крестница права. Ее собственная затяжная первая любовь тому свидетельница. А если бы остаться тут – то и десять лет спустя будешь жить походами под ненаглядное окошко да воспоминаниями о нескольких совместных прогулках, искренне полагая, что душа чем-то наполнена.

С другой стороны – если в душе возлюбленного было хоть какое-то подобие чувства по отношению к ней – то оно там и осталось. Тоже неплохо... шанс...

Во всяком случае, этот город с его застарелыми любовями, ревностями, адюльтерами и прочими затеями лучше того, другого, где женщина берет себе мужа или любовника лишь затем, чтобы было с кем заниматься сексом. Так подумала Дара и полностью отдалась Саниной процедуре...

Глава шестая

Мастер книжной графики

– Артур!

– Что?

– Так вот же рукопись!

– Да? Действительно.

Просто пока Таня искала в столе эту древнюю картонную папку, он стоял, смотрел в окно и думал о выставке Еремина.

Дурацкая была выставка, старый бездельник вывесил пейзажи, которые писал еще чуть ли не в студенческой молодости. Если бы Артура спросили, он бы определил их стиль так: нафталин, пятидесятые годы. Тогда как раз писали маслом эти правильные, жизнерадостные пейзажи, классическую родную русскую сторонку, украшенную детьми, несущими из лесу лукошки, непременно в пионерских галстуках, молодыми колхозницами с косами или с граблями, и если ржаное поле – так на первом плане васильки и милая тропочка, и горизонт, желательно безоблачный, и две березки, и с краешку вдали темным пологим холмиком – лес.

Так вот, Артур бы раздолбал эту выставку в пух и прах, в мелкие дребезги. Как и предыдущую, два месяца протосковавшую в этой же галерейке, художницы от слова «худо» Вероники Белинской, специалистки по обнаженным, но при

этом совершенно бесполом девицам. Когда-то очень давно стройные розово-голубые фигурки на фоне каких-то невероятных кругов и овалов были свежи и обаятельны, но именно тогда на одной шестой земного шара не имелось секса, потому фигурки нечаянно оказались знаком протеста и создали Белинской имя. Теперь же секс был, и в немалом количестве, но ничего другого старая дура не умела и не желала, даже заглянуть в учебник анатомии было выше ее сил.

– Не потеряй, – сказала Таня. – И, пожалуйста, к пятнадцатому января чтоб было готово.

– Когда я тебе и в чем отказывал? – спросил Артур. И потянулся рукой к ее затылку – придержать для поцелуя.

– Иди на фиг, – отмахнулась Таня. – Насчет цены ты с ним договорился? А то будешь потом бурчать, что тебя надули! Точно договорился? А то я ему позвоню и уточню.

– Нет, все о-кей, – торопливо сказал Артур. – Я только не понимаю, откуда эта старая рухлядь деньги берет!

– Сказать? – Таня усмехнулась.

– А скажи!

– Так у него же сестра в Америке... – прошептала Таня.

Артур уставился на нее, широко распахнув прекрасные темно-карие глаза. Не то же время, чтобы о сестре в Америке нужно было шепотом рассказывать! Но Таня откровенно забавлялась.

– Он не хочет, чтобы в ихнем политбюро узнали. Деньги она ему присылает даже не через банк, а вообще в каких-то

тайниках. Ты молчи – мы с этих денег кормимся!

– Обижаешь!

Ситуация была трагикомическая. Жили мальчик и девочка, братик и сестричка, чистокровные евреи, и как-то так получилось, что мальчик решил пойти по комсомольской линии, женился на русской, взял фамилию жены, а через несколько лет пятый пункт в его паспорте тоже резко и загадочно обрусел. Девочка же (под влиянием умной мамы) вышла замуж за ровесника-еврея и, помучавшись сколько надо, эмигрировала в Израиль. Там она вполне осознала смысл шуток, запущенной в обиход евреями-американцами: все евреи должны жить в Израиле, но по очереди. Муж оказался умницей, перевез ее с детьми в Чикаго, где сделал карьеру. А под старость лет, выдав замуж дочку, женив сына, похоронив мужа и оставшись зажиточной вдовой, она вспомнила о брате.

Брат, когда его нашло письмо сестры, был функционером некой партии с мудреным названием, члены которой называли себя русскими коммунистами. Конечно же, зарплаты функционеру не полагалось, он жил на убогую пенсию, но страстно участвовал во всех собраниях, ходил на пикеты, вел протоколы, тиражировал на ксероксе листовки и иной всякой дурью маялся.

Он как-то нечаянно сообщил сестре, что живет впроголодь. Сестра изъявила желание помочь. Но при мысли о том, что у него вдруг обнаружится в Америке сестра-еврейка,

он ужаснулся. Партия бы этого выверта не поняла. Прочее напоминало дурной шпионский роман с явками, паролями, ночными встречами в указанных местах и передаванием всяких неожиданных предметов с долларовой начинкой.

Деньгами старик распорядился удивительно: стал издавать сборники своих патриотических стихов. Это были те еще стихи, переполненные красными знаменами и Ильичами, которые шагают впереди, – но к ним присосалась куча безденежного народа.

Сперва старик кормил только приятеля, работавшего в типографии, а тот отстегивал какие-то гроши наборщику и верстальщику. Были выпущены две тонюсенькие, жалкие тетрадки, по которым прошлась грязными сапогами местная молодежная газета. Приятель посоветовал для пользы дела взять хорошего редактора. Редактор сказал, что таким стихам необходим корректор. А потом они общими усилиями выбили и штатную единицу художника-оформителя. Это и был Артур. Дед оказался писуч неимоверно, и Артур уже наместачился единым движением пера кидать на бумагу профиль Ильича, а другим движением – взвихренное за этим профилем знамя. Старику нравилось. Единственное, из-за чего он бухтел, было соблюдение сроков. Но тут уж вся бригада стала контролировать Артура – и сборники, уже толстенькие и на приличной бумаге, продолжали выходить с идеальным соблюдением графика.

Автор раздаривал их товарищам по партии, чуть ли не

разбрасывал на митингах и схлопотал репутацию городского сумасшедшего. Поэтому бригада стала очень бдительна на улицах и, едва завидев работодателя, пряталась по магазинам и уходила подворотнями.

Артур относился к деньгам довольно безалаберно – вспоминал о их существовании только сев на мель. К чести его нужно сказать, что он никогда не интересовался чужими кошельками, и кто чем кормится – спрашивал крайне редко. Поэтому он работал на чудаковатого деда, не обременяя себя финансовыми гипотезами.

Получив папку с полусотней диких шедевров, он поцеловал Таню и удалился – у него была еще встреча примерно по такому же поводу.

Женщина, сидевшая в углу Таниного кабинета с книжкой, заложила страницу визитной карточкой, встала и подошла к столу.

– Слушай, кто это? Лицо такое знакомое...

– У всех тусовщиков лицо знакомые, – ответила Таня. –

Если в двух словах...

– Ну?

– Пустое место.

– А-а...

Артур вышел на улицу. Было скользко, но он чувствовал себя королем на версальском паркете – он наконец купил замечательные зимние ботинки, внизу на шнуровке, сверху на крючочках, с таким крупным и рельефным рифлением на

подошве, что след получался как от автомобильной шины. Без ботинок он больше не мог – попытка обойтись осенними провалилась из-за его вечного раздолбайства.

Еще в прошлом году он надевал теплые носки и как-то не слишком страдал от холода. Но ботинки следовало вовремя осмотреть и отнести сапожнику.

Теперь же в подошвах образовались большие дыры. В эти дыры забивались комья снега, кусочки льда, и, выходя из дому нормальной мужской походкой, очень скоро Артур переходил на странный аллюр – ковылял на носках, словно перебравшая балерина, которой приспичило непременно посреди улицы взгромоздиться на пуанты.

Он шел и думал, что сейчас можно было бы зайти в кафе, взять двойного кофе с булочкой и просмотреть гениальные дедовы труды. Это было неременное условие халтуры – читать, обсуждать, предлагать конгениальное художественное решение (старик в изобразительных искусствах не смыслил ни шиша, а слово «конгениальный» ему страшно нравилось), потом показать эскиз, именно эскиз, чтобы получить одобрение, и наконец сдать готовые иллюстрации, числом от шести до восьми. Весь этот церемониал занимал от двух до трех часов, и столько же уходило на работу. Артур очень хотел бы найти еще дюжину дедов и проделывать те же реверансы на тех же финансовых условиях, но второй такой партии и второго такого певца революции на один город, видно, не полагалось.

Дорогое кафе он себе позволить не мог, хотя дорогое кафе – это возможность встретить людей, которые не жмотятся и могут предложить подзаработать. Зимние ботинки пробили брешь в бюджете – на них ушли деньги, которые Артур собирался отдать бывшей жене как алименты, они договорились по-хорошему, без бюрократии, и он старался не нарушать сроков. Теперь следовало поднапрячься и даже у кого-нибудь перехватить денег, иначе возник бы совершенно ненужный конфликт.

Так что Артур зашел в недорогое кафе, снял пальто и шапку, повесил на рогатый стояк у дверей, остался в свитере (свитер связала вторая жена, та, у которой хватило ума не рожать ему детей), взял кофе, булочку и сел у окна – читать шедевры. Рядом на всякий случай положил блокнот и автоматический карандаш.

Он надеялся найти хоть что-то кроме знамен и Ильича – хоть танк, хоть крейсер «Аврору», хоть генсека Брежнева, хоть террориста Бен Ладена на худой конец! Но старый хрен если и переходил на личности, то это были такие личности, что лучше их не рисовать, – бывший президент России, например, которому с опозданием досталось за избыточную и никому не нужную демократию, замешанную на матером алкоголизме. Горбачева дед тоже поминал незлым тихим словом, оплакивая беловежский пакт с таким надрывом, как будто дело было вчера.

Артур, вздыхая и морщась, читал куплет за куплетом, ко-

гда рядом прошуршало, по ноге мазнуло, он скосил глаза и увидел длинную зеленую юбку. И тут же на столик возле прочитанных листов опустилось блюдо с чашкой.

Не успел Артур ощутить вполне законное раздражение – мало ли столиков, так нет же, эта дура подседа туда, где человек только-только собрался поработать! – как повеяло духами.

Это были такие духи, что он невольно с силой втянул носом воздух, норовя вобрать в себя все облачко, и поднял голову от кошмарных виршей, и увидел наконец ту, что посягнула на его покой.

– Извините, – сказала женщина с гладким молодым лицом и глазами, которые были старше лица лет примерно на десять. – Мне тоже нужно сесть у окна, чтобы не пропустить одного человека.

– Да ничего, садитесь, – позволил Артур и сделал еще один вдох.

Женщина поставила блюдо с печеньем, отошла, чтобы принести стакан апельсинового сока, и тогда только села.

Что-то в ее лице было такое, такое... Не умом, нет, пальцами Артур вспомнил это лицо, причем пальцы были явно недовольны – когда-то они не справились с задачей. Они потянулись к карандашу – и пока сознание с подсознанием перерывали сундуки с эскизами, там и не попавшими на бумагу, пальцы провели карандашом ЛИНИЮ. Это была не совсем точная ЛИНИЯ, но уже почти удачная, удачная хотя бы

тем, что родилась сразу, непрерывная и стремительная...

И тут он вспомнил!

– Простите... – неуверенно произнес он. – Вам не кажется, что мы уже когда-то встречались?

– Кажется, – помолчав, ответила женщина. – Страшно даже подумать, сколько лет назад...

– Так это действительно ты?

Она прищурилась, вглядываясь, и вдруг ее худощавое лицо самым натуральным образом расцвело.

– Не может быть! Ты?! Ну да, да, это действительно я!

– Ну, надо же!... Ну, не может же такого быть!... В кафе!...

– А что тут странного? Вот если бы мы встретились в мечети, или в гей-клубе, или в ментовке...

– Ну подумать только! – он все не мог успокоиться. – Ты ничуть не изменилась!

– Ты тоже, – почти честно ответила она, и он взял ее за руку.

– Откуда ты? Когда приехала? Надолго к нам?

– Приехала я ненадолго. У меня кое-какие сложности, я решила устроить себе каникулы. Мне многое нужно обдумать и принять решение. Хочу пожить тут месяц или два, как получится, остановилась у... у подруги.

– Что же ты не позвонила, не написала? Могла бы и у меня остановиться! – предложил Артур.

Он жил сейчас один и мог бы принять интересную и

стройную женщину, особенно если она приехала ненадолго. Месяц он бы продержался.

– Да я уже обо всем договорилась, – и она улыбнулась.

– Так сколько же мы не виделись?

– Не вспоминай, незачем. Главное, что мы не изменились.

– Ты была такой милой девочкой, такой трогательной, такой глупенькой! Я просто боялся при тебе лишний раз пальцем пошевелить, чтобы тебя не испугать!

На самом деле все было гораздо проще – Артур бы охотно уложил в постель глупенькую девочку, да только его родители были хорошо знакомы с ее родителями, первая же ночь потащила бы за собой законный брак со всеми его затеями, включая потомство.

– Ты полагаешь, я поумнела? – спросила женщина.

Артур внимательно посмотрел на нее.

Она была одета хорошо, для этого кафе – даже слишком хорошо. И обута – сев нога на ногу, она показала дорогой кожаный сапожок с модным длинным носиком. Лицо, почти не накрашенное, выдавало тот тщательный уход, который без посторонней помощи неосуществим. Девочка стала женщиной той породы, о которой говорят «с высокой полки», то есть – простому смертному до этих женщин не дотянуться и на свои деньги в магазине не приобрести.

– По-моему, да, – неуверенно ответил он. Но главное сказал совсем не словами. Он все еще держал ее правую руку на своей левой ладони – а теперь еще и накрыл ее второй

ладонью. На безмолвном языке он произнес: такая, как сейчас, ты мне больше нравишься, и я не прочь тебя приласкать более откровенно, если ты не возражаешь.

Лна положила свою левую руку сверху. Он понял так: я не возражаю, но сама решу, когда и каким образом.

– Чем ты теперь занимаешься? – спросил он, потому что при такой игре рук лучше говорить о чем-то постороннем.

– Чем я только не занималась... – со вздохом ответила она. И опустила глаза, и вдруг подняла их, и взгляды встретились.

Он понял – она за эти годы нажила той женской смелости, отсутствие которой тогда делало ее смешной. Она никак не могла перестать быть девочкой из хорошей семьи – а ей следовало бы однажды, наедине с ним (они часто оставались наедине, но дальше болтовни дело не шло) просто сесть к нему на колени.

Артур невольно улыбнулся – хорошо, когда женщина знает, чего хочет. Тогда можно спокойно расслабиться и отдать ей инициативу. Похоже, сидя в этом пошлом кафе, он высидел милое приключение в старинном духе, этакий роман «двадцать лет спустя», стремительный и взаимно удобный.

– Какие у тебя планы на вечер? – спросил он, не ей же, в самом деле, об этом спрашивать.

– Вечер, увы, занят, и день тоже, я уже договорилась... – тут она посмотрела в окно. – А вот завтра мы бы могли встретиться и попить кофе.

– Ты кого-то ждешь? – несколько встревожившись, поинтересовался он. Женщины злопамятны – с нее бы случилось, вспомнив, как он за год свиданий не побаловал ее ни единым поцелуем, проучить его, раз уж судьба подсунула такую возможность.

– Как видишь, жду... Вернее, я кое в чем должна убедиться... Еще вернее – я должна убедиться в том, что мне соврали! И не спрашивай больше, хорошо?

– Как скажешь, – согласился Артур, несколько растерявшись, с таким неожиданным темпераментом заговорила она. – Но, извини, твой кофе стынет.

– Твой тоже.

Не прикасаясь к чашке (хотелось бы верить – потому, что не пожелала размыкать рук), она повернулась к окну. Он же скосил глаза на страницу дедового манускрипта. Вот уж кто сейчас был удивительно кстати – так это Ильич на броневике: «... и битва впереди, и в двадцать первый грозный век, наш броневик, лети!» Руки были заняты, Артур не мог перевернуть страницу и занервничал – время уходило совсем бездарно.

Он осторожно высвободил левую руку и перевернул страницу.

Женщина не отрывалась от окна – очевидно, ей действительно было важно кого-то там увидеть, или же не увидеть, этого Артур не понял. Сейчас он наблюдал ее лицо в профиль и уже не мог понять, красиво оно, или просто чувству-

ется какая-то неведомая порода. Однако гибкая, подававшаяся вперед спина, и обрисовавшееся под тяжелой длинной юбкой узкое колено, и темные волосы ему нравились, волновали его, и он решил, что для такого случая дед может подождать. Та, кого он знал нелепой и влюбленной девочкой (ее откровенная любовь даже не льстила его самолюбию, тогда ему, чтобы ощутить себя победителем, были нужны поочередно две тридцатилетние), обернулась экзотической птицей, даже аромат был какой-то восточно-заморский, даже перстень на пальце – диковинный, и именно такая, загадочная и темпераментная, она вполне созрела для его постели...

Его тело уже приняло решение.

А она все смотрела и смотрела в окно.

Наконец она повернулась и шевельнула пальцами.

– Принести тебе другой кофе? – совсем тихо и очень ласково спросил он.

– Нет, наверно... Нет.

Она взглянула на часы – дорогие часы с зеленым циферблатом.

– Торопишься?

– Не то чтобы тороплюсь... Полчаса у меня, во всяком случае, еще есть. Расскажи о себе. Как ты жил, чем занимался?

Вопросец в лоб, подумал он, но почему бы и не сказать правду?

– Учился, ушел с четвертого курса, потом работал в студии дизайна. Теперь занимаюсь книжной графикой. Как раз сегодня собирался встретиться с автором, чью книгу буду оформлять.

– А кто такой?

– Наш, местный, но очень издаваемый. Он только мне и доверяет.

– А кроме книжной графики? Для души?

– Ну, не без этого...

Артур подумал, что придется вытащить из-за шкафа «Безумных королей», на человека, не слишком смыслящего в живописи, эта серия обычно производит впечатление. Другой вопрос – что за пятнадцать лет на них так и не нашлось покупателя.

– Ты волнуешься, – сказал он, поглаживая ее пальцы. – Расслабься. Все впереди, один хвост позади.

Она рассмеялась – это была шутка давних времен. И встала. Встал и он.

– Пойдем? – уверенная в согласии, спросила она.

Артур быстренько собрал листы в папку, молча прокляв старого сына за то, что и папки-то порядочной на свои доллары купить не мог, пользуется какими-то древними, из-под личных дел давно околевшего отдела кадров, не иначе!

На улице было прохладно, ближе к вечеру поднялся ветер. И темнело, и ледяные раскатанные лепешки были плохо видны, и Артур вовремя подхватил вновь обретенную подругу.

– Куда тебя проводить? – спросил он.

– Пока – прямо.

И надо же тому случиться, что навстречу им шел высокий осанистый старик в меховой шапке пирожком, встреча с которым была совершенно ни к чему!

Треклятый виршеплет имел милую привычку посреди улицы громко цитировать свои самые удачные строчки, держа при этом собеседника за пуговицу.

Объяснять – времени не было, поэтому Артур просто подхватил спутницу покрепче и вместе с ней боком въехал по льду в ближайшую подворотню.

– Ты чего это?! – изумленно спросила она.

– Деру! – приказал он, и они, то семеня, то прыгая, понеслись в глубь незнакомого двора и со смехом заскочили за сарай.

Артур собирался просто переждать минуты три, чтобы старик надежно исчез, но вечерний сумрак и экзотический аромат, узкое пространство между стеной и сараем, веселая блажь неожиданного бегства, все вместе, очень способствовали поцелую. Он взял женщину за плечи.

Поцелуй состоялся.

И второй – тоже. Более долгий и более утонченный.

Теперь осталось вспомнить важную вещь – как же эту уже почти согласную на близость женщину все-таки зовут? Память вытаскивала какие-то близкие к истинным созвучия, но за все время их общения имя так ни разу и не всплывало.

Глава седьмая

Йул

Сашка почувствовала животом мелкую вибрацию, сняла с пояса мобилку и тихонько, под прикрытием тетради для конспектов, прочитала ответ на свой мессидж.

«Svobodna» – гласил он.

«Togda pojdem v olimpik dengi tratitj» – настучала Сашка. Это был особый прикол – перебрасываться на лекции не записочками, а мессиджами, благо мобильные телефоны имелись почти у всех. Единственное – многие модели довольно ощутимо попискивали, и преподаватели поворачивались с недоумением – мыши, что ли, в аудитории завелись? В отличие от студентов, преподаватели далеко не все имели эту технику. А некоторые даже не желали иметь, сделав из своей придури чуть ли не принцип.

Не успела Сашка записать каракулями мудрую преподавательскую мысль, как снова объявился ответ.

«Lu4be v bazar, mne tufli nuzni» – сообщила подруга Жанна.

И это у них тоже был прикол – вместо буквы «Ч», которую нужно настучивать двумя латинскими, просто набирать цифру «4», которая с этой буквы начинается, и так же поступать с буквой «Ш».

Сашка задумалась. Торговый центр «Олимпик» был ближе, и выбор вечерних нарядов там тоже считался лучше, но брать в «Олимпике» обувь – чистое безумие. А торговый центр «Базар» числился в дорогих, впрочем, хорошие туфли дешевыми и не бывают, к тому же «Базар» был чуть ли не за десять трамвайных остановок, и до трамвая пока добежишь...

Преподаватель объявил перерыв, и одновременно у Сашки в голове наступило прояснение. Если смыться с лекции прямо сейчас, то можно успеть в «Базар», пропустить английский, а потом вернуться как раз к семинару!

Она объяснила этот расклад Жанне, и обе понеслись в гардероб.

– Мне платье нужно, – говорила Сашка, обматывая шею большим и тяжелым шарфом. – И еще кое-что. А туфли у меня есть.

– Сколько тебе отжалели? – спросила Жанна, имея в виду – сколько Сашке удалось выклянчить у матери в связи с наступающим Новым годом.

А Сашка, между прочим, вовсе и не попрошайничала.

Мамина подруга, тетя Соня, у которой Сашка ночевала, утром выложила прямо на кухонный стол деньги.

– Клиент попался с большим приветом, – объяснила она. – Прямо силком в карман засунул. Я посчитала – втрое больше таксы. Деньги шальные, как с неба свалились, а шальные деньги в чулок прятать нельзя – не к добру, их хотя бы частично нуж-

но по ветру пустить. Так что держи! И я правило выполню, и тебе подарок к Новому году!

– Ой! – только и смогла ответить Сашка, а потом бросилась тете Соне на шею.

– Мамке не говори, – предупредила тетя Соня. – А то мне уже влетело, что тебя балую.

– Так она же увидит...

– Что – увидит?

– Ну, платье...

Оценив сумму, Сашка ни секунды не маялась проблемой выбора: приобрести следует именно платье.

– Когда увидит – тогда и будем разбираться, – спокойно ответила тетя Соня. – Надо переживать неприятности по мере их поступления. Платье-то у тебя все равно уже будет, и на мусорку она его не понесет.

Подарок был сделан вовремя – он как бы открыл ту запертую дверцу, в которую Сашка с вечера стучалась лбом и кулаками...

Они с Жанной сели в трамвай, добрались до «Базара» и понеслись по обувным отсекам. А всякий знает, что мерить обувь, имея на себе шубу, пусть даже расстегнутую, и теплые сапоги, которые умаешься снимать-надевать, – занятие хлопотное, в одиночку вообще неосуществимое, поэтому Жанна как села, разувшись, на пуфик – так на нем и сидела, руководя Сашкой, которая таскала ей с полка одну туфлю за другой.

Естественно, они потратили кучу времени, а туфли не нашли. И Сашка, ежесекундно поглядывая на часы, понеслась по тем отсекам, где висела готовая одежда.

Длинные вечерние платья все, как одно, были черные. А ей требовалось платьице короткое, и вовсе не для того, чтобы похвастаться ногами. Просто у Сашки возник в голове план. Если бы она знала, что этот план ей подсказала Сана, – очень бы удивилась.

Длинная анфилада отсеков с праздничными нарядами кончилась, Сашка уперлась носом в стенку и отскочила – на стенке висели балахоны из черного бархата и совершенно нечеловеческого размера, с парчовыми розами на плечах и на груди. Тут ей, назалось бы, следовало развернуться и бежать к безнадежно отставшей Жанне. Но она сунула нос налево – и оказалось, там – поворот в закоулок, настоящий аппендикс, а в аппендиксе развешаны парики, как будничных, так и карнавальных цветов – зеленые, желтые, оранжевые и вообще пестрые.

Сашка чуть было не хлопнула себя по лбу – волосы!

Ее собственные для подсказанного Саной плана совершенно не годились.

Когда Жанна подошла, Сашка уже упрятывала в свой лаковый рюкзачок покупку.

– Я спросила, тут еще на третьем этаже платья есть, – сказала Жанна, чувствуя себя неловко – из-за нее Сашка потратила время и осталась без платья.

– У нас... – Сашка посмотрела на часы. – Десять плюс две, плюс, наверно, двадцать... считаем – сорок... минус сорок... Да мы вообще в минусе!

Она имела в виду – добираться отсюда до института придется около сорока минут, и этих минут больше нет.

Жанна поняла сразу.

– Да пропади он пропадом, этот семинар! – воскликнула она. – Семинары у нас каждый день, а Новый год – раз в году!

– У меня два практических занятия не отработано и реферат не сдан... – Сашка задумалась, и ее брови сошлись, выявив на лбу две продольные морщинки, говорят – признак гордости, и во всяком случае – признак упрямства.

– Когда ты еще выберешься в «Базар»?!

– А-а! – Сашка махнула рукой.

Она рисковала стипендией. Стипендия в семье имела символическое значение – Изора хорошо зарабатывала. Однако поводом для ссоры могла стать...

Деньги в кошельке словно бы зашевелились.

– Оставь нас тут! – умоляли деньги. – Нас ветром принесло, мы тебе случайно на голову свалилось, нас нужно потратить без всякой пользы, зато с удовольствием и немедленно! Ну оставь, что тебе стоит?

– Пошли! Где тут лестница?

На третьем этаже им повезло – Сашка как влетела в анфиладу, так и встала столбом перед коротким платьищем салатного цвета. Продавщица знала, что это – конфетка, потому

и повесила на видном месте завлекательности ради.

– Мое... – прошептала Сашка. – Беру... Жанка, если мне не хватит – дашь до завтра?

Но Саниных денег хватило тютелька в тютельку – как будто тетя Соня предвидела поход именно в «Базар» и именно за этими двумя покупками.

– На такси мы успеваем! – мучаясь угрызениями совести, предложила Жанна.

– Угощаю!

– Й-ие-е-е-з!

В аудиторию они влетели одновременно с преподавательницей.

Дома Сашка оказалась в девятом часу вечера. Никого не было, она отключила сигнализацию и заперлась с покупками в ванной. Раздевшись до трусиков, она быстро накинула платье и огладила его на боках. А потом, зажмурив глаза, натянула на коротко остриженную голову парик.

Набравшись мужества, Сашка сосчитала до трех и распахнула свои карие с прозеленью глазщи.

Парик, надетый наугад, сидел набекрень, подол задрался, макияж требовался совсем другой, и все же из зеркала смотрела прехорошенькая барышня в бледно-рыжих кудряшках. Сашка невольно улыбнулась – она была неузнаваема. И тут же образовались две морщинки – оказывается, налет на «Базар» вовсе еще не решал всех проблем.

Спрятав покупки и надев старый халат, Сашка полезла в

кладовку. Там много всякого добра хранилось, время от времени мама с дочкой клялись все повыбрасывать и начать новую жизнь, а потом сваливали эту доуку друг на дружку раз и другой, пока не забывали о ней на несколько месяцев – до того дня, когда нужно было убрать с глаз долой что-то объемное, а места не хватало.

В таких случаях Изора употребляла унаследованную от бабки поговорку: пришла коза до воза. Поняв, что до глубины кладовки так просто не докопаешься, упрямая доченька надела прямо поверх халата свою стильную шубку, сунула ноги в изящные сапожки и выволокла во двор, к мусорному контейнеру, целую охапку всякой рухляди. А возвращалась Сашка бегом – заметила идущую через двор маму, да не одну, а с гостьей.

Войдя в прихожую, Изора увидела на полу кучу старья и остолбенела.

– О! Тьфу! Тут у нас что – Мамай прошел?!

– Так Новый год же скоро, ты сама хотела убраться как следует! – радостно сообщила чумазая от пыли доченька. И то, и другое было чистой правдой, поэтому сбитая с толку Изора мелко закивала.

– Ну, вот что, – сказала она. – У нас гости все-таки, давай сворачивай уборку.

– Как скажешь, мама. Я хотела, как лучше...

Дара внимательно посмотрела на девицу. В отличие от Изоры она сразу сообразила – с этой уборкой что-то не так.

Но портить ребенку игру не стала – тем более, что любопытная мысль пришла ей в голову.

– Затолкай все обратно, умойся, сними с себя эту дрянь, а потом я тебя своей крестной как положено представлю, – распорядилась Изора. Но Дара вышла вперед.

– Все то же самое – но с точностью до наоборот, – вот так крестная отменила распоряжение крестницы. – Я не голодна, сейчас переоденусь, и мы с Сашей сделаем твоей кладовке последний день Помпеи.

– Ты, крестненькая?!

– А почему бы нет?

Кладовка была не маленькая, два на полтора, и еще с антресолями. Добра там скопилось – хоть музей открывай. Дара откопала Изорину сумку того фасона «ладья», какой был в моде, когда она еще не уехала из города, и принесла на кухню, где крестница готовила ужин.

– Давай-ка освежи мне ее, буду носить.

– Она же сто лет как вышла из моды.

– Значит, завтра обратно войдет в моду.

Там же нашлась вязаная крючком полосатая треугольная шаль, тоже примерно той эпохи. Дара ее распялила на руках и убедилась, что моли в Изорином хозяйстве не водятся, – целительницы гоняли эту нечисть, как и мышей с крысами, кто – заговором, кто – особо подобранными и тоже наговоренными травами.

– Годится! – одобрила Дара. – А это...

– Это выбрасывать не надо, – тихонько сказала Сашка. – У мамы ноги болят, она их зимой иногда надевает.

И поскорее забрала у чересчур активной гостьи старые мамины сапоги на платформе, без молнии и с подкладкой из натуральной овчины.

– Что же она не полечится? – удивилась Дара.

– Ей тетя Соня боль снимает, но на каблуках ходить все равно неловко. Вот она в этих валенках и шлепает... ой!...

Дара искоса посмотрела на Сашку и фыркнула. Дитя было как раз такое, какого она и желала Изоре, – не поумневшее преждевременно, не обремененное этикетом, жизнерадостное и склонное к умеренному авантюризму. Ведь могло же и стальной шарик в ноздрю всадить, и татуировку на видном месте сделать, а ограничилось всего лишь черно-пестрыми волосами.

Сашка же смотрела на Дару с интересом, но и с тревогой тоже, – мать иногда пробалтывалась о выдающихся способностях крестной, а если она такая уж крутая – то может и считать с Сашкиных извилин весь хитроумный план...

Но обошлось без разоблачений. И, когда Сашку после ужина устроили спать в гостиной, крестная с крестницей остались еще на кухне поболтать.

Изора очень хотела знать, где крестная целыми днями бродит и как себя развлекает в незнакомом городе. Дара же совершенно не желала посвящать крестницу в свою затею. Она боялась, что Изора сдуру окажет ей медвежью услугу

– делает приворот, после которого всю воскрешенную любовь можно считать недействительной. Поэтому говорили о салоне, о ремонтниках, о деньгах, о церемонии открытия и вообще лишь о том, что к Даре прямого отношения не имело.

Эту политику Дара выдерживала вплоть до двадцатого декабря, когда целительницам следовало прибыть на Йул. Изора с Саной всяко обходили малоприятную для крестной тему и уже заранее охали, представляя себе, как вечером будут вынуждены сообщить ей, куда направляются. Но Дара облегчила им задачу – попросту рано утром исчезла.

Сашка знала, что мать с подругой восемь раз в год отправляются на свои праздники. Была маленькая – к ней подселяли на это время кого-то из материнских подруг, стала постарше – спокойно оставляли одну. На этот раз Изора даже не спросила, есть ли у нее деньги. Холодильник был полон, а уезжали они с Саной всего-то на двое суток, а не на четверо, как раньше, когда праздник проводился в ночи езды от города.

Проводив маму и расцеловавшись с ней, Сашка живо стянула с себя расслабленность домашней девочки, собравшейся провести остаток вечера в кресле и с учебниками. Она выскочила из теплого халатика, поставила на огонь чайник и полезла в кладовку. На свет явились: те самые доисторические Изорины сапоги, которые удалось спасти от помойки; ее же старая шуба, которая, по ее теперешним поня-

тиям, была ей коротка; пакет, где, судя по виду, могли лежать приготовленные к выбросу протухшие половые тряпки, но на самом деле хранились зеленое платице и светло-рыжий кудрявый парик; рукавицы, в которых маленькая Сашка каталась на лыжах; меховая шапка с ушами – была зима, когда женщины вдруг решили носить такие шапки, и Изора тоже поддалась общему безумию, но вовремя опомнилась и забросила приобретение в кладовку, с глаз долой.

Сашка натянула теплые носки, надела платье, потом влезла в старые и очень плотные джинсы, заправила вовнутрь подол, застегнула молнию. Поверх платья был надет теплый свитер, парик же – сунут в рюкзачок, туда же авантюристка затолкала пакет с туфлями, маленькую сумочку с полным девичьим боекомплектom и маминым театральным биноклем, а сбоку засунула термос с самым подходящим для вылазки напитком – горячий и сладкий чай, куда она щедрой рукой плеснула полстакана бренди.

Изора шла неторопливо – она отправилась в дорогу с запасом времени, уговорившись с Саной, что – кто первая придет на автовокзал, та и берет билеты. Сейчас, в предвкушении праздника, она могла расслабиться, выкинуть из головы салон (ой, тьфу, через четыре дня – открываться!) и впустить в голову приятные мысли о встречах, о радостной болтовне, о новостях, о нарядах. Она даже честно забыла о крестной – раз та сама догадалась с утра пропасть, тем лучше.

Сашка нагнала маму и сопровождала, идя по другой сто-

роне улицы. Ей уже года два страшно хотелось побывать хоть на одном празднике годового круга. Мать с тетей Соней делали из этих праздников какую-то государственную тайну, но, естественно, все время пробалтывались. Сашка поняла, что это на самом деле – очень крутые тусовки, где все веселятся, оттягиваются, прикалываются, обнимаются, целуются и по-всякому безобразничают. А ей как раз и недоставало разухабистой, шалой, пронизанной сквозняком безумия тусовки – с однокурсниками и на дискотеках она откровенно скучала.

Сана пришла раньше и взяла билеты. Там же они встретили еще одну целительницу из тех, кто окончил Курсы, – Мойру. Их и всего-то было таких на большой город – трое. Только немолодая Мойра была давней крестницей старой целительницы, прошедшей третье посвящение и носившей совсем уж древнее имя Шин.

Занятые приятной для всех троих беседой, Изора и Мойра не заметили, что в автобус погрузилась странная тетка в шубе по колено и обмотанная шарфом так, что сбоку виднелась только верхушка меховой, ушастой и низко надвинутой на лоб шапки. При этом тетка имела с собой легкомысленный лакированный рюкзачок, купленный в хорошем магазине и за немалые деньги.

Сана же эту тетку увидела и про себя усмехнулась – Сашка поняла, что от нее требуется. Теперь нужно было облегчить девочке задачу...

Поэтому Сашка окончательно поверила в свою счастливую судьбу – она ехала в одном автобусе с матерью и ее подругами, вышла на одной с ними остановке, довольно нелепо метнулась за фонарный столб, потом шла следом, и снег скрипел под ее сапогами, но никто не обратил на нее внимания.

А между тем на дороге, ведущей к озеру, их только четверо и было – Сана, Изора, Мойра и отставшая на полсотни шагов Сашка.

Правда, они шли по середине, там была наезженная машинами двойная колея, Сашка же старалась держаться ближе к обочине, где кто-то одинокий протоптал символическую тропку – это была цепочка ям, припорошенных снегом, и Сашка, высоко задирая колени, шагала по этим ямам.

Эта дорога была длиной метров в четыреста и освещалась то ли пятью, то ли шестью фонарями, но света хватало – ночь, как на заказ, выдалась лунная, да и сам снег, казалось, тоже излучал сияние. Впереди оказались открытые ворота, куда три целительницы и вошли, а Сашке пришлось шарahnуться в сугроб – ее догнала широкая черная машина, обогнала и тоже скрылась во дворе пансионата.

Когда Сашка оказалась там, то первым делом перебежала к елкам, художественно растущим посреди двора на газоне. Уверенная, что полностью с ними слилась, Сашка откопала в рюкзачке бинокль и стала изучать окрестности.

Она увидела широкую лестницу, ступенек этак в пять, ве-

душую на террасу, куда выходили двери и окна. И под лестницей, и на ступенях, и на террасе стояли люди, приехавшие раньше, мать с подругами окончательно потерялась в толпе. В сторонке Сашка заметила машины.

Двери открывались и закрывались, люди входили и выходили, и настал миг, когда все они спустились вниз. Кого-то ждали – и он появился из дверей в белой хламиде, за ним вышли еще двое в таких же хламидах, то ли с большими сумками, то ли вообще с корзинами, и Сашка даже не могла понять, мужчины это или женщины. Все остальные казались черными в своей зимней одежде, эти же казались прозрачными, и Сашка поежилась – она догадывалась, что на праздниках какие-то чудеса творятся, но встретиться с привидениями не хотела бы.

Трое призраков прошли вперед и ушли за угол, остальные потянулись следом. Когда скрылся последний участник праздника, Сашка перебежала от елок к стене и выглянула.

Теперь она увидела белую равнину, и кое-где торчали заснеженные кусты, но подальше этих кустов уже не было, и лишь вдалеке вроде бы что-то темнело и горели огоньки. Сашка не сразу поняла, что пространство без кустов и есть затянутое льдом и присыпанное снегом озеро.

Толпа пошла по берегу направо, Сашка двинулась следом, параллельно берегу, стараясь не отрываться от стены пансионата. В одном ей несомненно повезло – горело несколько фонарей во дворе перед входом и с той стороны, где озеро,

но окна были темны, как будто в здании не осталось ни души. Так что она постоянно была в тени.

На берегу стояло также одинокое толстое дерево с развесистой многоярусной кроной. Сашка догадалась – это старый дуб, без которого не бывает праздника годового круга. Однажды она даже слышала, как мать и тетя Соня обсуждают имя крестной, споря, действительно ли корень «дар» означает «дуб» в прямом смысле слова, или имеется в виду «сила», она же – «устойчивость», образом и воплощением которой служит этот самый дуб.

Люди столпились, встали тесно-тесно, скрыв троих призраков, а еще секунду спустя Сашка ахнула – над толпой встал сноп желтого пламени! Он поднялся выше дуба, опал, опять поднялся и медленно опустился. Теперь стало видно, что люди стоят вокруг костра, взявшись за руки, и что-то возле огня происходит.

Насколько она могла понять, люди ходили по кругу, что-то кидали в огонь, потом до нее донеслись голоса – мощный мужской запевал песню, слов которой она не могла разобрать, толпа повторяла. И вдруг зазвенел пронзительный, но красивый и сильный женский голос. Стали вспыхивать, один от другого, факелы, и огни замельтешили, тоже вплетаясь в круг. Это было, может, и красиво – но для тех, кто видел в этом смысл.

Сашка уже пожалела, что притащилась сюда. Действо у костра затягивалось, понять что-либо было решительно

невозможно, автобус, на котором она приехала, был последний, как добираться до города – она понятия не имела, а голосовать на шоссе побаивалась, все-таки она была домашней девочкой, не гуленой, не оторвилкой. К тому же от озера дуло. Тем, кто у костра, было тепло, Сашку же проняло сквозь материнскую шубу. Она достала из рюкзака термос и отхлебнула горячего чая с бренди. Чай оказался кстати, понравился и произвел нужное действие – Сашка даже повеселела.

Но все на свете кончается – даже древние обряды зимнего праздника возрождения, который называется Йул. Тем более, что из них со временем было убрано все страшное, связанное с явлением Бога и Богини-Матери, – те, кто оканчивал Курсы, сохраняли свою принадлежность к привычным конфессиям, и веры как таковой руководителям было достаточно, атеистов они на Курсах видеть не желали.

Процессия двинулась от берега обратно, однако Сашка видела – у костра еще кое-кто остался. Впереди шел высокий, в белом, за ним два других призрака, и теперь было видно – они несут именно корзины, сплетенные из темных прутьев.

Отступая, Сашка едва не шлепнулась – стена за ее спиной, о которую она опиралась, кончилась, нужно было куда-то деваться. Чтобы ее не застучали тут подглядывающей, она добежала до ступенек, поднялась и толкнула дверь. Дверь отворилась, Сашка попала в вестибюль, там не было ни души. Что-то такое мать с тетей Соней как-то говорили, буд-

то в таких случаях обслуживающий персонал отпускается до утра... Это значило – никто ее сейчас не увидит, пока не придут от костра целители!

Из вестибюля расходились направо и налево два коридора. Сашка выбрала левый и обнаружила там пронумерованные двери. Все были заперты. Но вот дверь без номера оказалась открытой. Там была каморка уборщицы – с ведрами, тряпками, большим пылесосом для чистки ковровых дорожек в коридорах, раковиной, полкой с моющими средствами, но главное – с вешалкой! Сейчас там висели два халата, и только. Сашка немедленно закрылась изнутри и стала переодеваться.

Она стянула сапоги, джинсы и одернула на себе платице. Синтетика, как и обещала продавщица, оказалась немнущейся. Потом сунула ноги в туфли. Туфли были, что называется, родные – она бы в них прошла десять километров без всякого неудобства, невзирая на каблуки. И, наконец, Сашка взялась за лицо.

И мама, и незнакомый ей папа были темноволосыми, но цветом лица Сашка, очевидно, все же пошла в папу – у мамы кожа была белее. Теперь нужно было уравновесить рыжие волосы и бледноватое лицо, которое от этих волос смотрелось чуть ли не зеленым. Покупая парик, Сашка приложила его к лицу впопыхах и при каком-то ненормальном освещении. Она дома пробовала разные варианты, но дома было большое зеркало в ванной, с яркой подсветкой, тут же –

лампочка у потолка и зеркальце, вклеенное изнутри в крышку косметички. Сашка мазалась буквально наощупь. Потом она долго елозила париком по стриженной голове, натягивая его на уши симметрично. И, наконец, осторожно приоткрыла дверь.

В пансионате было шумно – там собралось больше сотни человек, и все давно не виделись, все были рады встрече, хотя кое-кто приехал исключительно для выяснения отношений (мама и тетя Соня такие случаи тоже обсуждали, не обращая внимания, что кухонная дверь открыта, телевизора не слышно, а ребенок что-то больно тихо сидит...). Сашка знала, что целители, с их-то способностями, могут устроить разборку и на расстоянии, но серьезный конфликт они предпочитали раскручивать при свидетелях и при старших. Да, у них были и старшие – крестные и крестные крестных, целая лестница, в которой Сашка ничего не понимала. Зато страшно хотела понять!

Она ведь и то умудрилась услышать, что сама тоже владеет силой, только пускать силу в ход ей еще рано. Ну и кто, скажите, в восемнадцать лет согласится с тем, что «рано»? Такой дуры природа еще не сотворила!

Убедившись, что в коридоре временно пусто, Сашка выскочила из конуры, захлопнула дверь и встала на дорожке, как если бы шла из какого-то номера. Постояв несколько секунд она сделала первый шаг – и ноги сами понесли ее к вестибюлю, где галдело веселое общество. Сашка тут же заме-

шлась в толпу и пошла от группы к группе, тщательно следя – не мелькнут ли где мама с тетей Соней.

Она не знала, что с такой же тревогой изучает сейчас толпу Сана – не мелькнет ли где взбаламученная ею Сашка, чтобы вовремя отвлечь Изору.

Беседы целителей Сашку разочаровали – ни слова про магию, силу, возможности, а только – кто женился, кто развелся, кто купил новую квартиру, чьи дети преподнесли внуков. И еще – не думала она, что эти люди так смешливы. То, что мама с тетей Соней часто хохотали на кухне во все горло, она относила к их личным особенностям, и главным образом к тети-Сониным: Сашка прекрасно знала, что маленькая целительница завела себе бурную личную жизнь, только не понимала, с чего бы вдруг, поскольку красавицей мамина подруга никогда не была. Вот мама – это да! Мама, особенно когда собирала пышные темные, с медной искрой, волосы в высокую прическу и надевала длинное платье, была царственна, и Сашка ею гордилась.

Как раз сейчас Изора, и в длинном зеленом платье, и при высокой прическе, была развернута пронзительно-рыжей Саной лицом к кому-то из знакомых, но спиной к дверям, в которых появилась Сашка...

Сашка шла, держа на лице бездумную улыбку, слушая совершенно ей ненужные слова, и понимала, что сделала несколько ошибок. И первая, главная, – нельзя было покупать это короткое платье! Все целительницы были старше

тридцати и носили зеленое, кое-кто – черное с зеленым, но во всяком случае длинное, даже те, кто имел стройные ноги, здесь так было принято. Сашкины же колени были единственными – и на них кое-кто уже покосился. Затем – следовало прибавить себе возрасту, хотя бы нацепить очки! И у всех висели на груди большие медальоны или даже просто блямбы с камнями. Сашка просто не догадалась стянуть у матери хоть что-то подходящее, а ведь у Изоры этого добра имелся полный ящик!

Она поднялась на второй этаж и попала в банкетный зал. Участники Йула уже понемногу стягивались туда. Столы стояли в три ряда и были накрыты более чем роскошно, а для тех, кто проголодался прежде срока, вдоль стены устроили фуршетную стойку, довольно высокую, с трехэтажными фруктовыми вазами, в которых было много всякого добра – и канапе, и шпажки с сыром и маслинами, и нарезанные яблоки – все на один кус. Сашка взяла четвертушку яблока, потом другую, мучительно соображая – как же начать знакомиться с этими взрослыми людьми?

– Позвольте за вами поухаживать.

Голос был мужской, приятный, она повернулась и увидела человека необычной внешности и непонятного возраста.

Прежде всего – у него были длинные волосы платинового оттенка, совершенно не похожие на седину. Затем – раскосые, выразительные, живые глаза, нос с горбинкой, красивые, правильные губы, гладкое и молодое лицо. И он уже

протягивал Сашке бокал шампанского.

Протягивал почему-то левой рукой, на среднем пальце которой был большой перстень тусклого металла с сероватым камнем.

– Да, конечно, – ответила Сашка и взяла бокал.

– Вы у нас новенькая? Еще под яблоней?

– Да.

Сашка знала, что яблоня покровительствует девицам, рябина же – тем, кому за тридцать, недаром мать с тетей Соней охапками тащили в дом ветки и корзинами – ягоды.

– И кто же привел вас сюда до посвящения? – тут голос незнакомца стал чуть строже, а на камне вспыхнула белая искра.

– Я сама пришла.

– И с какой целью, позвольте спросить?

Допросов Сашка не любила.

– А захотела – и пришла!

– Так, захотела... Ну, это – аргумент. Пойдем, побеседуем о вашем желании.

– Вы бы хоть представились, – недовольно буркнула Сашка.

– Без проблем! – он тихо рассмеялся. – Меня зовут Фердиад.

Глава восьмая

Схватка

В то время, как Сашка покупала зеленое платьице и валяла дурака с рыжим паричком, Сана тоже не бездельничала. Она обходила антикварные магазины в надежде найти одну вещицу, очень ей сейчас нужную. И это был старинный хрустальный флакон для одеколона с хрустальной же пробкой.

После того, как им с Изорой показали в зеркале Дару и дали услышать Дарин всеобъемлющий гейс, в хрустальном шаре так и осталось темное туманное облачко. Пройдет ли оно – Сана не знала, очистка под ледяной проточной водой ни к чему не привела, а жизнь продолжалась, и шар ей мог потребоваться в любую минуту.

С другой стороны, он был размером с детскую голову – такой не всюду за собой потащишь. Сана давно собиралась завести более портативный, что ли, и вот время настало.

Флакон, какой ей был нужен, она видела несколько лет назад, но тогда не сообразила, что следует его хватать за любые деньги. Теперь же она умаялась словесно изображать его продавцам.

– Был такой флакон, – сказали ей в шестом магазине. – Но покупателя не нашлось, у него пробка обломана. Пришлось вернуть. У нас же тут не склад – три месяца подержали, ви-

дим – не берут, ну и хватит...

– А как именно обломана?

– Стерженек – отдельно, головка – отдельно.

– И головка – именно круглая, граненая? Вот такая?

Она показала пальцами.

– Вот такая, – согласилась продавщица.

– А кто этот флакон приносил, не скажете? Я знаю, у вас документы долго хранятся, вы бы посмотрели?

– Ну...

Сана была готова к тому, что придется применить волевое воздействие. И она его применила. Продавщица и сама бы потом не могла объяснить, из каких глубин памяти вынула адрес бабушки с флаконом. Ведь она всего раз видела оформленную квитанцию – но и этого оказалось достаточно.

Сана отыскала бабушку, заплатила ей за флакон, но сам флакон оставила, взяла лишь хрустальную пробку. Пробка сломалась очень удачно – ее на остатке стерженька можно было установить хоть на столе, хоть на подоконнике, и треугольные грани, довольно крупные, давали внутри игру крошечных плоскостей, образующих серебряные дуги.

Сана проверила хрустальный шарик на все виды порчи и наведенных воздействий. Она чистила это приобретение проточной водой, оставляла его ночевать у стакана, куда выпущено сырое яйцо, окуривала ароматами, пробовала разного цвета подставки – как это делается, когда заряжается вода на исполнение желания. И наконец с немалым волнением

попыталась хоть что-то в нем увидеть.

Тот, кто испортил ее прежний хрустальный шар, знал – новый найти непросто, и не учел при этом женскую сообразительность. Он не поставил защиту – поэтому Сана один раз увидела его стоящим у окна, всего на секунду – и этого оказалось довольно. Самодельный шар работал!

Но она не стала баловаться до самого Йула. Работа с шаром достаточно заметна, и если беловолосый враг поймет, что Сана выкрутилась, он еще что-нибудь этакое ей покажет.

Только перед самым выходом из дома Сана, уже одетая, села за свой ритуальный стол, настроилась, согрела в ладонях шарик (так с хрустальными шарами не поступали, но она чувствовала, что с этим нужно именно так) и посмотрела в него. Она увидела Сашку, что торопливо набрасывала салатное платье, и усмехнулась – девочка знает, что необходимо быть в зеленом, но никто ей ничего не объяснял про оттенки, она будет заметна в толпе, и это очень даже хорошо...

Потом, у касс автовокзала, Сана издали увидела ее, но, разумеется, не подала виду. И когда вышли из автобуса, она тоже сразу увлекла Изору с Мойрой вперед, дав Сашке возможность без помех добраться до пансионата.

Сана поставила ловушку.

Тот, кто показал ей, как был наложен гейс на крестную, нечаянно сообщил больше, чем хотел. Та Дара, которую увидели Изора с Саной, была очень молода, но уже тогда носила именно это имя. Значит, был человек, один из руководи-

лей или просто лицо, приближенное к Курсам, который нарушал правило и давал посвящение тем целительницам, кто еще не родил и не довел до шестилетнего возраста всех детей или не убедился в своей безнадежной бездетности. Его мужской подход к делу Сана поняла без посторонней помощи – юные целительницы, и Дара в том числе, проходили через постель этого беловолосого соблазнителя, посвящение было в какой-то мере наградой. Вот только характер у Дары оказался покрепче, чем у ее крестного, и она, даже влюбленная, не стала длить отношения, чтобы некоторое время спустя увидеть его удаляющуюся спину. Впрочем, был ли он крестным при первом или же при втором посвящении, Сана определенно сказать не могла. Дара не раз называла своей крестной целительницу Эмер – но обходилась без порядкового номера...

Все общество, составлявшее Курсы, делилось на несколько слоев. Изора и Сана знали своих однокурсниц, вместе с которыми получали посвящение, знали младшее поколение, знали тех, кто учился лет на пять-шесть раньше, знали около десятка преподавателей, имевших второе посвящение, как Дара. Над теми были профессионалы третьего посвящения – они присутствовали на праздниках годового круга, проводили обряды, но общество прошедших только первое посвящение, им было неинтересно – они куда-то прятались, чтобы побыть вместе.

Сана не знала, существует ли четвертое посвящение, но

странные личности возникали порой на праздниках, и перед ними мастера третьего посвящения держались кротко и покорно. Она случайно видела, как они окружили и быстро провели по коридору низенькую и толстую старуху в зеленом остром колпачке и зеленой же вуали поверх колпачка, которая оставила открытыми лишь нос и подбородок. Дара, когда Сана спросила ее про старуху, посоветовала не совать нос в чужие дела. Знала ли она, что это за необычная гостья, Сана не поняла, но предположила, что могла знать. Были гости, которые, приезжала, не выходили из номеров, напротив – все к ним туда спешили с озабоченными лицами.

Возможно, в одном из этих загадочных номеров постоянно скрывался на праздниках беловолосый Дарин любовник, имеющий силу и власть налагать гейсы!

То, что Йул прямо-таки погнался за Дарой и настиг ее там, где она спряталась, было его рук делом. Он долго ждал – но в мести своей был последователен, беспощаден и использовал все возможности. Вряд ли он полагал таким способом вернуть Дару – ни одна женщина в здравом уме и твердой памяти после такого утонченного издевательства не вернулась бы, значит – хотел добить ее, уже придумал для нее смертельный удар.

Сана неплохо знала мужчин. Она могла бы написать книгу о том, насколько у них развит «комплекс утенка». Давным-давно ученые провели занятный опыт – перед только что вылупившимися утятами прокатили большой крас-

но-синий резиновый мяч. Это был первый движущийся предмет, который увидели малыши, – и они, приняв его за маму-утку, дружно за ним потопали. После этого природная мама могла страдать и крякать в полное свое удовольствие – для детей существовал лишь мяч. Мужчины, как утята, выбирают себе не тех женщин, которые им действительно нужны, а совсем других – пригодных для семейного счастья примерно так же, как резиновый мяч пригоден для воспитания и обучения утят. Но эти «другие» просто первыми попались на глаза – в образе матери, сестры, воспитательницы. И мужчина обречен по меньшей мере часть жизни гоняться за мячами – не за сине-красным, так за желто-фиолетовым. Уж кто-кто, а Сана с этим столкнулась не раз – к ней приходили, стыдясь себя, с просьбой избавить от роковой зависимости, и она, задавая вопросы о детстве, слышала одну и ту же историю...

Так вот, она заметила, что мужчина, которому не по нраву ровесницы или более-менее подходящие по возрасту дамы, будет менять девочек до бесконечности. Повзрослевшая девочка его уже не устраивает – и он уверенно собьет с толку другую, на два-три года моложе. Беловолосый незнакомец, очевидно, был именно из этой породы...

Если он здесь – он должен заметить Сашку!

Сана высматривала его во время обряда с золотыми серпами под дубом, возле костра, высматривала и потом, когда все вернулись в пансионат. Изору она с рук на руки сдала

Айлен и Грануэли, да не просто так – а напомнила про ее затеи с добавками для открытого огня, пусть даже газового.

Целительницы давно ждали обещанного доклада, переносимого с праздника на праздник, – Изоре ничего не оставалось, как достать бумагу, авторучку и начать записывать рецепты, да еще с комментариями.

Убедившись, что подруга сидит в таком месте, откуда пространство не просматривается, да еще занята делом, Сана поспешила в конференц-зал. Вот там действительно человек двадцать слушали доклад – Шила рассказывала о пресловутом синдроме хронической усталости.

– Итак, имеем полный букет разнородных симптомов, – говорила она. – Если верить статистике, наиболее характерные – постоянно повышенная температура, припухшие железы, обостренное восприятие холода, провалы в памяти, бессонница, отсутствие аппетита, ухудшение слуха. В анамнезе – еще один букет, от ангины до ящура! Неудивительно, что официальная медицина предлагает лишь локальное и симптоматическое лечение. Мы же не должны идти на поводу у медиков, иначе и мы будем лечить головную боль – отдельно, тахикардию – отдельно, а состояние больного будет улучшаться, пока мы рядом, и ухудшаться, когда он выходит из кабинета. Вот...

Она включила проектор и на белом экране появилось изображение обнаженной человеческой фигуры с чакрами.

Сана знала, к чему клонит Шила, – к тому, что пресло-

вутая загадочная хвороба, которую как только не называли – хронический вирус Эпштейна-Барра, хронический мононуклеоз, синдром хронической усталостной дисфункции иммунной системы, – излечима за пять-шесть сеансов, если только на минуточку допустить, что порождает эти пестрые признаки обычная отрицательная биоэнергетическая подвеска, она же – порча.

Поэтому Сана только внимательно посмотрела на присутствующих. Мало надежды, что беловолосый слушает лекцию, интересную только целителям первого посвящения, но он мог оказаться здесь с какой-то другой целью...

Потом она вышла в холл – и тут же была поймана, усажена в глубочайшее кресло, снабжена бокалом красного вина. Тут сидели и вспоминали всякие смешные истории те, кто приехал на праздник повидаться, и не более того. Если в конференц-зале сидели и записывали лекцию в основном женщины, то тут радовались жизни в основном мужчины.

Получив свою порцию комплиментов, пригубив вина, рассказав случай из собственной практики (действительно нелепая история про унылого дурака, начитавшегося популярных книг по магии, решившего покарать врага энвольтованием и смастерившего тряпичную куклу с применением не только вражеских волос и подкладки от вражьего пиджака, но и собственной старой простыни; удивительным последствием этого колдовства стал энурез, о котором дурак не хотел говорить Сане открыто, и только вдруг вскакивал и вы-

бегал из комнаты, где она вела прием; самым ударным местом этой истории было описание, как Сана обнюхивала покинутый дураком стул...), Сана сбежала.

В полночь был назначен банкет, но многие уже понемногу перебирались в банкетный зал. Она заглянула и туда. Беловолосого не было, Сашки тоже не было, и тут Сана тихо ахнула – действительно, она не видела этой красавицы с той самой минуты, как развернула Изору вместе с креслом лицом к Айлен, и тут же Грануэль, подвинув столик, буквально заперла подругу в углу. А ведь она уже около часа носилась по пансионату!

– Привет тебе и гроздь рябины! – услышала она. И крепкая мужская ладонь сжала ее плечо.

Это был Кано – целитель второго посвящения, с которым когда-то была близка Дара, причем сильный мастер неизвестно в котором поколении, недаром же у него от рождения вилась огненно-рыжая грива.

Сейчас эта грива была уже порядочно тронута сединой, как и усы, и короткая бородка. И вообще Кано, с его мощными, но несколько поникшими плечами, с отяжелевшим лицом, был похож на льва, лучшие годы которого уже завершаются.

– Привет тебе и корзину орехов! – обернувшись, пожелала в ответ Сана.

Когда она прознала про эту связь, ее уважение к Даре несколько пошатнулось – крестной не следовало выбирать

зеленоглазого красавца, хуже того – Сана подозревала, что не он за ней, а она за ним гонялась. Как бы то ни было, их разрыв ее обрадовал. Сколько она ни раскидывала карты на этих двоих, всегда получалось, что они – не пара.

Но теперь Сана была бы премного довольна, если бы Кано и Дара вновь сошлись. Когда-то крестная была сильно увлечена рыжим целителем – возможно, даже любила его, и новый виток их романа мог восстановить ее способности, выведя ее из-под опасного для всякой женщины гейса.

– Тебе идет рыжий цвет, давно надо было покраситься, – сказал Кано. – Вот теперь это твои волосы! Куда только крестная смотрела?

Он был не совсем трезв, как раз в той поре, когда хмель бывает весел и дружелюбен, все женщины кажутся доступными, а заботы – пустяковыми. Поэтому Кано все время посмеивался, даже в глаза Сане, нагнувшись, заглянул с легким смешком.

– Она таким вещам не придает значения.

– Напрасно. Даже если цвет не от рождения, все равно очень помогает. А где Дара? Я уже все обошел – у костра ее не было, тут ее нет. Почему она прячется? Что-то случилось?

Сана поняла – хмель подсказывает ему, что их с Дарой размолвку можно временно считать недействительной.

– Случилось, Кано. Она под гейс попала. Поэтому ее здесь нет.

– Ого! Тут и телега орехов не поможет! Под который? Ви-

на, что ли, на закате с кем-то выпила? – в голосе Кано было некоторое злорадство. Теперь Сана поверила, что не он Дару, а Дара его бросила.

– Почему бы тебе самому ее не спросить? – поинтересовалась Сана, уже думая, как бы организовать эту встречу.

– Заколки для волос ей кто-то прицепил?

Сана ничего не ответила – тут, чтобы рыбка не сорвалась с крючка, важно было сохранять спокойствие, и она действительно была спокойна, чтобы мужчина выплеснул первое злорадство и заговорил по-человечески.

– Погоди, какой там у нее был третий?

– У нее был еще и четвертый гейс. Если ты можешь ей помочь – то помоги, потому что мы, ее крестницы, бессильны.

– Четвертый гейс? – переспросил Кано. – Кто же это ей подвесил?

– Кто-то из верхушки.

– И за какие заслуги?

Он все еще наслаждался бедой своей бывшей подруги – возможно, и Дара, поменяйся они местами, так же расспрашивала бы, без всякого сочувствия, а только из дурного любопытства. Целители и по природе своей были ревнивы, тут же примешался былой роман с неудачным исходом.

– Я же говорю – сам ее спрашивай!

– Ты как это со старшими разговариваешь? – Кано, балуясь, поймал прядь крашенных волос. – Ни о чем я ее спрашивать не буду, ей полезно немножко посидеть под гейсом.

Меньше будет нос задирать.

– Ну, как знаешь.

Сана пожалела даже о том, что пожелала ему корзину орехов. Орех – символ мудрости, орешник – дерево справедливого суда, этого же ехидного и злорадного красавца она сейчас охотно лишила бы и той мудрости, которая еще имелась в хмельной голове.

– Постой! – крикнул он, но она уже сбегала по лестнице.

Кано ей никогда не нравился, и она даже была довольна, что не пришлось менять свое мнение о нем.

Сана еще раз обошла пансионат и всерьез забеспокоилась – Сашку могли позвать в какой-то номер, понарасказывать ей всяких мистических историй, напоить красным вином и в конце концов уложить спать на диванчике. Это было бы не самым скверным финалом ее эскапады, но Сана хотела совсем другого.

Она вошла в тот двухместный номер, что отвели им с Изорой. При взгляде на аккуратно застланные постели ее посетила вполне естественная мысль: а почему бы и нет? Среди целителей первого посвящения было несколько достойных внимания мужчин, а Сана с новой гривой выглядела достаточно соблазнительно. От краски волосы стали жестче и встали пышнее, зеленое платье им соответствовало, лежало теснее и глаже собственной кожи. Так почему бы и нет? Тем более, что она была взволнована всеми событиями, выпила немного красного вина, а возня с салоном по меньшей ме-

ре на две недели сильно сократила ее личную жизнь. Стало быть: почему бы и нет?

Но целительница взяла себя в руки и достала хрустальную пробку, которую своевольно преобразила в магический шар.

Пробку она поставила на столик, по обе стороны зажгла заранее припасенные свечи и потушила свет. Потом села напротив, склонилась над граненым шариком и очень попросила его показать Изорину дочь.

Сперва она увидела Сашку на лестнице, потом – в коридоре, вернее – увидела Сашкин затылок в синтетических волосах, вдруг девушка обернулась, кому-то улыбнулась, губы произнесли беззвучное слово. Уже догадываясь, с кем она говорит, Сана затрепетала и взмолилась, чтобы шар не показал никого, кроме Сашки. Она знала, насколько сильна злая воля беловолосого, и боялась его преждевременно потревожить.

Шар опять показал затылок, вдруг изображение качнулось – должно быть, Сашка резко повернулась на каблуках. И Сана увидела дверь с двузначным номером. Она качнулась вперед, чуть не уперлась носом в шарик – цифры полетели ей навстречу, вырастая, вырываясь за пределы хрустального шара, пролетая сквозь нее, но она успела поймать и запомнить число.

Потом возникло помещение вроде того, в котором сейчас находилась Сана. Казенная аккуратность и отсутствие лишних вещей ей обычно в гостиницах и пансионатах нравились,

но сейчас она опять забеспокоилась – шар показал стерильный интерьер, но без всякой Сашки, и более того – в номере было темно!

Тут только до Саны дошло, что Сашка и ее спутник вошли в какую-то другую дверь, но – находившуюся рядом, а шар просто показал то, что она хотела увидеть за дверью с цифрами, не более.

Поблагодарив шарик, Сана положила его в сумку и накинула на себя старый славянский оберег – как они с Изорой увлеклись в свое время русскими, особенно сибирскими заговорами, так до сих пор на них полагались.

– Первая, другая, я иду третья, все вон, мне одной дом! – прошептала она и припечатала хорошим замком: – Собаке лаять, волку выть, мне с удачей быть. Ключ, замок, язык!

Теперь следовало спешить.

С хрустальными шарами та морока, что никогда не знаешь – которое время он тебе показать изволит. Может подключиться к тому, что происходит сей момент, может передать картинку с опозданием на несколько минут, может вообще выудить из непонятого слоя ноосферы событие многолетней давности. И это случается даже с шаром, который не первый год в хозяйстве, так что все его причуды хорошо известны.

Хрустальная же пробка от флакона всего несколько раз выступала в роли магического шара, и Сана, понятное дело, не знала ее особенностей. Может, беловолосый мерзавец

увел Сашку полтора часа назад? Тогда он много чего успел натворить.

Она поспешила наверх – искать те металлические цифры на двери, которые показал шар.

Судя по всему, под подозрением было пять номеров – те, что слева и справа от найденной двери, и те три, что напротив. Сана постучала в одни – тихо. В другие – тихо. За третьими шла беседа, чего-то делили и не могли поделить два мужских голоса.

А вот четвертые показались ей при ближайшем изучении очень подозрительны. Она дважды стукнула и, не дожидаясь приглашения, вошла.

Точно! Сашка сидела в кресле, беловолосый – на постели, и верхний свет был потушен – горела лишь толстая узорная свеча.

– Вот ты где! А мать обыскалась! – воскликнула Сана и сверху вниз посмотрела на беловолосого. Он легко поднялся с низкого ложа и сделал шаг ей навстречу.

– Удачи тебе и гроздь рябины. Ты Сана, крестница Дары, – уверенно сказал он.

– Теть-Соня! – завопила Сашка, вскакивая. Она была возмущена беспредельно – нелепая тетка со своей дурацкой бдительностью мешает начать прекрасную взрослую жизнь!

– Стой стоймя, спи дремля! – крикнула Сана и сделала общеизвестный знак растопыренной пятерней.

Сашка не удержалась на ногах и шлепнулась обратно в

кресло.

– Спи-усни, спи-засыпай, – тихонько попросил ее беловолосый. – Спи, не бойся ничего...

И она действительно заснула.

– Лунных тебе ночей и корзину орехов! – пожелала Сана. – Я, собственно, за девочкой пришла.

– А кем тебе приходится эта девочка? – полюбопытствовал беловолосый. – Не дочь – кровь иная, и не племянница, я даже дальнего кровного родства не чую.

– Это дочка Изоры, – безмятежно сообщила Сана. – Изоры, Дариной крестницы. Ей еще рано заниматься нашим делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.